

М. М. Пашкевич

АФГАНИСТАН: ВОЙНА ГЛАЗАМИ КОМБАТА

М. М. Пашкевич

**АФГАНИСТАН :
война
глазами
комбата**

Москва
Военное издательство
1991

ББК 68.49(2)243

П22

Редактор *В. В. Миргородский*

Пашкевич М. М.

П22 Афганистан: война глазами комбата. — М.: Воениздат, 1991. — 128 с.

ISBN 5—203—01272—5.

Книга написана офицером-комбатом, воевавшим в Афганистане. Ее сила и притягательность в абсолютной достоверности описываемых событий. Автор ничего не скрывает, не утаивает, не приукрашивает, не чернит. Правда, и только правда — суровая и беспощадная — лежит в основе командирских заметок о пережитых событиях.

Книга рассчитана на массового читателя.

П $\frac{1305020000-178}{068(02)-91}$ КБ—48—9—1990.

ББК 68.49(2)243

ISBN 5—203—01272—5

© М.М.Пашкевич, 1991

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Афганская война». «Спрятанная война». «Командировка на войну»... Под какими только названиями ни печатались в периодических изданиях материалы о событиях в Афганистане! В них отражены отдельные эпизоды из жизни военнослужащих на этой войне. Но правдивой и целостной картины об афганской войне по этим публикациям представить себе очень трудно. Вероятно, поэтому слово «афганец» стало носить двоякий смысл.

Почти 10-летняя афганская война закончилась. Второй Съезд народных депутатов СССР дал политическую оценку вводу советских войск в Афганистан, но не дал ясного ответа на множество вопросов.

Некоторые из них я и хотел бы рассмотреть в своих заметках. Поделиться мыслями и чувствами о лично пережитом. Посмотреть на многие эпизоды афганской трагедии глазами комбата.

Однажды в разговоре один молодой человек спросил меня: «А магнитофонов оттуда вы сколько привезли? А много вы там зарабатывали?» И ни одного вопроса о том, как мы воевали. Не знаю, откуда у этого парня такие мысли, но твердо убежден, что людей с подобными представлениями о нашей афганской жизни много. Странно еще и то, что у определенной части населения сложилось мнение, будто там погибали только солдаты, а все офицеры возвращались живыми и обогатившимися.

Так вот, в Афганистане воевали все и трудно было одинаково всем. А на мой взгляд, командовать людьми в условиях войны и нести ответственность за их безопасность тяжелее вдвойне. И нередко случалось, когда командиры

различных степеней, чтобы не подвергать опасности своих подчиненных, шли и выполняли те или иные задачи сами.

Общее отношение нашего государства к афганской войне вызывало недовольство у большинства населения, понимающего, что на любой войне гибнут люди. Влиятельные папы и мамы делали все возможное и невозможное, чтобы их дети в Афганистан не попали. Ну а той части родителей, чьи дети были призваны в армию и отправлены в Туркестанский военный округ, оставалось только молиться, чтобы их дети вернулись живыми. Это родителям и родным. А что же дети?

Парадокс, но главным в моей работе было любым способом привить им всем чувство опасности. На войне люди должны бояться смерти или по крайней мере стараться быть осторожными в тот момент, когда это возможно сделать, не причинив вреда ни делу, ни товарищам.

Но все дело в том, что долгое время никакой войны в Афганистане вроде бы и не было. Отсутствие широкой информации о погибших и раненых, впрочем, как и информации о боевых действиях, породило у наших молодых людей беззаботность в отношении своей жизни. Редко кто из отъезжавших в Афганистан четко представлял себе характер предстоящей службы. Желание подвигов, боев, желание показать себя «настоящим мужчиной» — это было. И пошло бы это очень на пользу, окажись рядом с молодыми ребятами кто-нибудь постарше. Тогда бы этот юношеский порыв и энергия компенсировались спокойствием и житейской мудростью. Но солдату 18—20 лет, командиру взвода 21—23, командиру роты 23—25, а командиру батальона хорошо если 30—33 года. Все молоды, все жаждут подвигов и славы. И так получилось, что это замечательное человеческое качество порой приводило к потерям.

Ныне стало чуть ли не модой критиковать всех об-

щей кучей, особенно молодых: и наркоманы, мол, и токсикоманы... Кому-то не нравятся современные танцы, кто-то считает вредной музыку, которой увлекаются молодые, кого-то раздражает, как одевается молодежь. Что ж, все это есть. Только, на мой взгляд, это в большей степени присуще именно тем молодым людям, которых папы и мамы оградили от поездки в Афганистан.

Конечно, и у нас, воинов-«афганцев», много было проблем разных: и с наркоманией, и с «дедовщиной», и с употреблением спиртных напитков. Но при всем при этом я с огромной душевной теплотой вспоминаю всех своих подчиненных, с кем пришлось делить все тяготы войны за эти долгие два года.

ПОЧЕМУ? ЗАЧЕМ?..

Декабрь 1979 года. Мы, молодые лейтенанты одной из частей ГСВГ*, потрясены. Наши войска вошли в Афганистан. Для нас это было большой неожиданностью.

Почему? Зачем? С какой целью? Пробовали ответить на эти вопросы, спорили между собой, пытались объяснить сами без помощи старших командиров и прессы. Интернациональный долг?! Что ж, мы готовы были с честью его выполнить. Но все же, проводя политические занятия с личным составом, было мучительно трудно объяснять солдатам и сержантам, чем вызван этот шаг. «Давили» все больше на патриотизм, на наши лучшие качества, на то, что мы не можем оставить южного соседа в беде.

Годы шли «уверенной поступью». Руководство партии и государства менялось. Постепенно менялась и информация о событиях в Афганистане. В газетах, хоть и редко, стали появляться статьи об этой войне. Все больше офицеров едут туда, а некоторые из них не возвращаются. При встречах с сослуживцами, с товарищами по учебе первым вопросом становится:

— Ну ты как? Был?

— А ты знаешь, Андрей погиб...

— Знаешь, Сергей Шмаков тяжело ранен. Его солдат прикрыл своим телом, а сам погиб...

Декабрь 1985 года. И в Забайкальском военном округе все чаще стали говорить об Афганистане. И до этого, тяжелого для службы, округа дошла очередь принимать

* ГСВГ — ныне Западная группа войск.

офицеров, отслуживших в Афганистане, и соответственно на их место отправлять своих. Европейские округа «поисчерпали свои резервы».

Пришла и моя очередь. 6 февраля 1986 года начальник отдела кадров нашего соединения очень буднично сообщил мне, что я должен в мае убыть в Афганистан.

Отъезд на войну невероятно прост. Никаких торжественных построений, никаких напутственных речей и даже никаких проводов. Обычный рейсовый автобус, два чемодана вещей самых-самых необходимых и служебное предписание в кармане. Плачущая жена с дочерью на руках, которая никак не поймет, почему плачет мама и почему такой грустный папа, и которой не объяснишь, что такое война и что с нее не все возвращаются. Последний взгляд, последний взмах руки... Обидно, что, вот так просто, до ломоты в зубах, по-будничному уезжая, можно больше никогда не вернуться.

Первый этап командировки на войну — город Ташкент. О ташкентской «пересылке» ходило много различных слухов, рассказов и домыслов. О ней еще часто будут вспоминать и те, кому довелось побывать на ней, и те, кто жил за счет этого «доходного» местечка. Ташкентская «пересылка» — это золотой «оазис» для таксистов, фарцовщиков, проституток и прочего другого, «не существовавшего» до недавних пор у нас люда.

А начинается все уже с вокзала и аэропорта. Прибывший в Ташкент офицер надеется, что его встретит кто-либо из представителей военного ведомства, ведь едет он не в отпуск, не на курорт. Но первым встречает его здоровенный детина с лоснящейся физиономией, который брезгливо спрашивает: «Командир, тебе куда?» Хотя по скромному багажу прибывшего сразу понимает, куда ему надо. За услугу по доставке на пересыльный пункт просит две «красненькие». Не желаешь расставаться со своими кровными? Добирайся как знаешь! Бывают и дру-

гие, более «гуманные» варианты: ходит похожий «бравый молодец» и приглашает нуждающихся в автобус, а как наберется достаточное их количество, везет, собрав предварительно по 3—5 рублей с каждого. Самых стойких, не поддавшихся интригам спекулянтов, ждет новое испытание: попытаться сдать вещи в камеру хранения. Она, кстати, рядом. Только вот очередь часа на три, как минимум. Но не беда. Из соседнего окошка призывно глядит похожий на предыдущих молодец, предлагая: «Командир, проходи без очереди». Заходишь, несешь свои чемоданы, ставишь. И тут тебе доверительно сообщают, сколько эти услуги стоят. А стоят самую малость: сколько не жалко! Но не меньше трех рублей!

И только теперь, окрыленный тем, что избавился наконец от тяжелых чемоданов, и несколько огорченный «ненавязчивым» нашим сервисом, ты направляешься на пересыльный пункт. Добираться приходится на чем бог пошлет. На КПП пересыльного пункта вас встретит, причем не очень вежливо, рядовой срочной службы, заберет документы и скажет, когда вам нужно прибыть на перекличку.

Уставший от дороги и всех дорожных неурядиц, ты идешь в так называемую гостиницу. Двухэтажное здание с клетками-комнатами внутри, плотно заставленными двухъярусными кроватями, на которых лежат, сидят, едят, а нередко пьют горькую такие же «счастливчики» — от прапорщика до подполковника включительно. Есть желание освежиться с дороги? Пожалуйста в умывальник, но вода только холодная. А вот в туалет лучше не заходить: там кучи мусора, остатки продуктов, пустые бутылки и прочие нечистоты.

Но, преодолев и эти трудности, вам захочется прилечь на кровать и наконец-то отдохнуть. Ну что же, дело за малым: сходить к кастелянше и получить белье. Идешь, предварительно заплатив полтора рубля. Но, увы, кастелянши на месте нет. Безропотно ждешь, так как

«прооптать» все одно некому. Наконец является кастелянша и заявляет, что белья нет и что никаких претензий она не принимает. Потеряв всякую веру в справедливость, ты молча ждешь, когда разойдется основная масса разочаровавшихся. После чего робко входишь и сладким голосом, положив на стол трючок, спрашиваешь: «А вдруг где-то завалилась парочка простыней?» И надо же, какая счастливая случайность: именно две простыни «случайно» находятся.

Как мало нужно порой человеку для счастья! Теперь еще заморить бы червячка и можно утверждать, что жизнь прекрасна! Что тут у нас? Столовая и буфет. Замечательно! Но... столовая закрыта, и, когда откроется, никто сказать не может, а в буфете одно печенье, хлеб и молоко. Но зато у тебя есть пока деньги. Можно поехать в город. За воротами вас ждет все тот же «заботливый» таксист. И если вы располагаете достаточной суммой, то вас и отвезут, и накормят, и напоят, и все прочее. Только вот проснетесь вы наутро без денег и черт знает где. «Машина» сработала.

Ташкентская пересылка хотя и грязная, но все же родной уголок, где о войне только говорят. Здесь собираются люди, которые на ней еще не были и только готовятся с ней встретиться. Душа у всех болит, и, как ни скрывай, это видно. Все встревожены и напряжены. И хорошо бы именно здесь, на рубеже родной земли, успокоили и поддержали. Но увы.

До сегодняшнего дня я не смог ответить себе на один вопрос: «Почему? Почему было такое бездушие и безобразные?» И кажется мне, что это не было просто халатным отношением к делу...

* * *

Ранним утром 30 мая 1986 года самолет Ил-18 с очередной группой офицеров, солдат и сержантов взял курс на ТОТ берег Амударьи, в неизвестность.

Слушая ровный, тягучий рокот моторов, гляжу на притихших лейтенантов с эмблемами десантников, пытавшихся перед посадкой в самолет выпить бутылку водки, но так и не сумевших это сделать, и чувствую, как внутри разрастается тревога. Впереди целых два года. Тайпо завидую своему предшественнику, у него уже все позади. И не раз потом, уже будучи «обстрелянным», замирал при звуке гражданского самолета, летящего высоко в небе. И сожмет сердце, и непроизвольно начнешь считать полугодия, месяцы, дни. А пока каждый думает о своем, не зная, у кого будет впереди счастливый миг возвращения, а для кого его не достанется. Как там у поэта?

Бой кипел на земле опаленной,
И не всем посчастливилось жить.

Первое, что я увидел, подлетая к Кабулу, — четыре наших вертолета Ми-24, которые кружили немного ниже нас и зачем-то отстреливали ракеты. Никто из сидящих в самолете не знал, зачем они это делают. Самолет как-то резко, явно вразрез со всякими летными требованиями, пошел на посадку. Вот шасси коснулось дорожки, короткий пробег — и остановка. После проверки документов мы вышли на летное поле. Несмотря на ранний час, солнце стоит высоко, довольно жарко. По обратным склонам ближайших гор ведут огонь вертолеты. Рядом говорят, что сбит один из прикрывавших нас вертолетов, а отстреливаемые ракеты — это не что иное, как тепловые ловушки для самонаводящихся ракет.

Вот так ворвалась в мою жизнь война.

Стройный симпатичный сержант с автоматом АКС проводил нас до пересылки, теперь уже кабульской. Кабульская пересылка — это часть местности, огороженной двумя рядами колючей проволоки, с расположенными внутри несколькими палатками, туалетом и тремя модулями, в одном из которых столовая.

Офицеров, от командира батальона и выше, пригласили пройти в класс. Какой-то старший лейтенант, очень довольный собой и очень строгий к прибывшим, предложил заполнить очередную анкету. При этом один майор чуть не получил взыскание лишь за то, что посмел испортить один бланк анкеты. Оказывается, союзный дефицит и здесь не кончается. Как мне хотелось спросить этого строгого старшего лейтенанта: а был ли он хоть раз там, где все должно быть действительно очень строго? Но не спросил. Не хотелось начинать новую жизнь с распрей.

Часа через два всех нас усадили в автобус и безо всякой охраны с одним прапорщиком при автомате отправили с пересылки в штаб 40-й армии. Так, из окна автобуса, произошло мое первое знакомство с Кабулом и Афганистаном.

Армейский штаб — это небольшой советский городок в столице Афганистана. Магазины, асфальтированные дороги и тротуары, Дом офицеров, на нем большая красочная афиша, памятник Ленину, небольшой фонтан, несколько скамеек для отдыха, довольно много нарядно одетых женщин кругом, все это в первый раз воспринимается как какая-то нереальность. Настроился на войну, а тут...

Строгость войны начинает чувствоваться в отделе кадров. Стол майора Симакова, который распределяет мотострелков и танкистов, завален бумагами. Какие-то офицеры приходят и уходят. Рядом открытая дверь наградного отдела. Видно, как прапорщик, чистенький и не очень вежливый, вяло поясняет кому-то, что наградные документы пришли, но показать он их не может, так как у него нет сейчас времени. И вообще он очень устал.

Майор Симаков приглашает нас пройти в кабинет начальника отдела кадров. За столом сидит чем-то рассерженный полковник. Минутная беседа с подполковником Ивановым, командиром артдивизиона, прибывшим вместе со мной и назначенным в Руху. Взгляд в мою сторону.

Представляюсь по всем правилам: капитан такой-то прибыл на должность командира отдельного батальона охраны.

Полковник:

— Капитан, у тебя лапа где?

Не сразу понимаю, о чем речь. Переспрашиваю.

— Ну кто тебе местечко подбирал?

— Никто, — отвечаю. — Куда назначили, туда и еду!

— Откуда едешь?

— Из Забайкалья!

После короткого раздумья обращается к Симакову:

— Так! В горы его, да куда повыше! Пусть бегаёт, молодой ещё. А на его место мы сами подберем.

Добавил несколько «крепких» слов для связки и отвернулся. Все. Разговор со мной окончен. Взгляд на очередного из прибывших. Меня такое отношение, по меньшей мере, удивляет. Выражаю свое недоумение и пытаюсь задать вопрос: с чего бы это вдруг такое назначение? Но лучше бы я не пытался! Всего через пару минут я узнал, кто я есть, а именно: подлец, жалкий трус, карьерист и так далее, и так далее... После чего был выставлен из кабинета с обещанием сегодня же быть представленным члену военного совета армии и в дальнейшем быть отправленным обратно в Союз с «волчьим» билетом.

Ох уж эта бюрократия, а военная в особенности! Ведь умеют же унижить, да еще как больно! Тщетно пытался успокоить меня подполковник Иванов. На пересылку я вернулся очень расстроенным, где и просидел, всеми забытый и никому не нужный, пять дней. И кто знает, сколько бы длилось это забвение, если бы слух о моем прибытии не дошел до майора Лопаткина — командира того самого батальона, в который я ехал. Он примчался в отдел кадров и с большим скандалом отвоевал меня. 5 июня 1986 года на двух БТР мы поехали в Баграм принимать дела и должность.

Баграм — уездный центр провинции Парван. Её главный город Чарикар. Чарикарская долина именовалась «зеленкой».

Мне повезло: я приехал в одно из самых знаменитых мест Афганистана. Панджшер, Кандагар, Баграм — эти названия знал если не весь контингент советских войск, то большая его часть наверняка. Эти названия определяли уже саму обстановку, они стали синонимами таких условий, в которых добровольно мало кто согласился бы жить и воевать.

Баграм — это прежде всего крупная военно-воздушная база, это аэродром, на котором дислоцировалась большая часть наших и афганских самолетов, со всеми наземными службами и обеспечивающими подразделениями.

Баграм — это место дислокации штаба дивизии генерала Барынькина. Здесь также дислоцировалась часть, которой командовал Герой Советского Союза В. Востротин, ныне генерал-майор.

Баграм — это огромные склады боеприпасов и горючего, это большое количество самых разных частей и подразделений. Естественно, что интерес к этому месту проявляла не только наша сторона, что впоследствии было множество раз доказано.

Обязанностью моего батальона совместно с двумя батальонами генерала Барынькина было охранять это важное как для нас, так и для мятежников место. Фронт моей обороны был протяженностью 37 километров со стороны «зеленки» и непосредственно в ней самой. Кроме того, я являлся заместителем начальника гарнизона по наземной охране и обороне аэродрома. Работа мне предстояла сложная, но не пугала. Здесь всем было трудно.

Итак, я в Баграме. Принимаю должность. Раскрыв рот слушаю, что мне говорят Слава Лопаткин и другие офицеры. Все интересно, все ново. Знакомлюсь с задачами, с условиями их выполнения, встречаюсь с людьми,

изучаю технику и оружие. Работаем очень интенсивно. Знаю, что Лопаткина нужно отпустить быстрее, он уже лишних полгода ждет заменщика. Да и там, где два командира, подчиненным в два раза сложнее.

Через два дня после моего прибытия готовилась проводка колонны на сторожевую заставу, в населенный пункт Саяд. Когда майор Лопаткин спросил меня, не хочу ли я пойти с ними, я торопливо и очень бодро ответил, что конечно же хочу.

Рано утром, что-то около 5 часов 30 минут, в районе инженерно-саперного батальона стала собираться колонна. Прибыли разведрота для охраны, саперы с щупами и собакой, танк с минным катковым тралом, еще несколько танков и БТР с близлежащих застав, автомобили с продовольствием, топливозаправщики с бензином и дизельным топливом. Глядя на все эти приготовления, на буднично сосредоточенные лица солдат, сержантов и офицеров, я все-таки до конца не понимал, как это, вот так просто, люди пойдут в бой. После последних согласований на все возможные случаи колонна начала движение.

Общая задача батальона заключалась в охране гарнизона от обстрелов и предотвращения возможных нападений мятежников. Гарнизон был окружен тремя рядами сторожевых застав. В их задачу входило своевременным огнем воздействием предотвратить проникновение в зону ответственности бандформирований и обстрелы гарнизона реактивными снарядами, а также исключить минирование дорог и объектов. Задача с учетом местных условий трудновыполнимая. Внешнее кольцо моих сторожевых застав, а это 13 застав из 23, находилось в районах, занятых мятежниками, то есть в полном окружении.

Проводка колонны на заставу включала постановку «блока» в зоне, занятой мятежниками, завоз на заставу необходимых материалов: боеприпасов, продовольствия, дров, горючего и всего остального на два месяца. Прове-

дение необходимой работы с личным составом, выход с заставы и снятие «блока». Эти мероприятия необходимо было осуществить слаженно, быстро и зачастую под огнем противника, преодолевая минные заграждения.

За одну проводку колонны, как правило, обеспечивалось 3—4 заставы. Таким образом, в два месяца было, как минимум, три-четыре проводки.

СТОРОЖЕВАЯ ЗАСТАВА

Пожалуй, мало кто из побывавших в ограниченном контингенте советских войск в Афганистане избежал встречи со сторожевой заставой. И сколько бы ни писали о тамошней службе, но до конца понять, что это такое, может только поживший на ней года полтора. Вся республика находилась в сети сторожевых застав. Они были вокруг Кабула, вдоль дорог, вокруг больших и малых гарнизонов. Заставы были в долине и в горах, в «зеленке» и на выжженной солнцем равнине. Сторожевая застава — это самая главная надежда на безопасность, хотя бы относительную, идущих по дорогам колонн с грузом. Это щит, первым принимающий на себя удар, но это еще и меч, способный в кратчайший срок поразить противника. Точной их численности, наверное, не скажет никто. Но было их много, и все они были разные.

Мои сторожевые заставы в большинстве своем располагались в глиняных, как правило, двухэтажных строениях-крепостях. Используя подручный материал, мы их укрепляли, как могли: строили наблюдательные посты с бойницами, укрытия для танков и БТР, оборудовали огневые позиции для минометов, ДШК*, АГС** и другого вооружения, места для хранения боеприпасов, продовольствия. Оборудовали комнаты отдыха, где из досок от ящиков делали столы, скамейки, спальные места, кухоньки и столовые, а при необходимости и другие помещения. Все это располагалось в самом лучшем случае на площадке от 30—50 до 100 метров.

* ДШК — крупнокалиберный пулемет.

** АГС — автоматический гранатомет.

Застава, как правило, была оснащена следующим оружием: один-два танка, а то и без них, в зависимости от места нахождения, от одного до трех БТР, 120-мм или 82-мм минометы (они были практически на каждой заставе), АГС-17, ДШК, подствольные гранатометы, стрелковое оружие, гранаты Ф-1, снайперские винтовки, приборы для дневного и ночного наблюдения. Одним словом, недостатка в каких-либо видах вооружения не было. Личный состав на заставе обычно не превышал 25 человек. Командир заставы — офицер. На некоторых внутренних заставах командовал либо старшина срочной службы, либо прапорщик.

Питание было организовано так: на 70 процентах застав хлеб пекли в тандырах в виде лепешек. Среди личного состава почти всегда находился энтузиаст, которому и доверяли обязанности повара. Продукты завозились один раз в два месяца. Понятно, что распределить их нужно было таким образом, чтобы хватило на весь срок, да еще и резерв остался, как минимум, дня на три-четыре.

Воду из арыков скапливали в специально вырытых бассейнах. Прежде чем употреблять в пищу, дезинфицировали специальными таблетками или хлоркой, потом кипятили. На заставы, расположенные в горах, ее часто, не имея другой возможности, доставляли вертолетом.

Свет на заставе — это керосиновая лампа. Связь с внешним миром только по радио. Почта приходила один раз в два месяца с колонной. Правда, иногда можно было договориться с каким-нибудь мальчишкой (бачой), который за определенную плату, чаще всего за консервы, доставлял письма один раз в неделю.

Служба на сторожевой заставе утомляет своей монотонностью и однообразием, а также кажущейся безопасностью. Днем ведется наблюдение одним или двумя часовыми с вышек. Кроме того, в постоянной готовности находится одно из огневых средств, как правило, танк

или миномет. Ночью службу несут вдвоенные посты, обычно три или четыре. Дежурный сержант меняет людей на постах, контролирует, чтобы никто не уснул. Ночные посты перекликаются между собой.

Первый раз оставшись ночевать на заставе и услышав ночью переключку — «Первый пост», дальше «Второй пост», еще глуше «Третий пост» и так по кругу, — подумал, что, может, это лишнее. Но когда стоишь ночью в глиняном прямоугольнике поста или на стене в полнейшей темноте и каждой клеточкой своего тела чувствуешь, как в тебя целится противник, то становится очень не по себе. И вот тогда голос товарища как опора: ты не один в этом мире.

Жизненный уклад сторожевой заставы регламентирован распорядком дня, причем строгим, как бы странно это ни показалось, расписанием занятий и условиями обстановки. Прибытие колонны на заставу — большой праздник, который можно сравнить разве только с Новым годом. Проживая вот в таком замкнутом пространстве, ограниченном четырьмя стенами дувала, общаясь с одним и тем же небольшим кругом лиц, изо дня в день выполняя одни и те же обязанности, питаюсь только консервированными продуктами, не получая ежедневно ни писем, ни газет, не посмотрев за полтора года ни разу кино, без электрического света, без возможности свободного перемещения, в постоянном ожидании обстрела проходила жизнь на заставах. Попробуйте прикинуть на себя такую жизнь. Жить там и добросовестно служить было невероятно трудно. И не мешали, а именно помогали в этих условиях и распорядок дня, и расписание занятий, и обязательный выпуск боевых листов и стенных газет.

Гордостью каждой заставы считалась баня. Из каких только материалов их ни строили! Оборудование заставы в первую очередь начиналось со строительства бани. Они были невообразимо разные: из глины, ничем не отделан-

ные (в связи с отсутствием материала) и, наоборот, любовно отделанные дощечками от ящиков из-под снарядов. В горах баньки были преимущественно каменные. Верно подмечено в песне: «В Афганистане две радости — письмо и баня».

Еще одной особенной чертой жизни сторожевых застав было присутствие на них одной или нескольких собак — таких же разношерстных и «разнокалиберных», как и бани. Начиная от породистых овчарок и кончая такими, порода которых вписывалась только в понятие «дворняжка». Собаки на заставе выполняли двойную роль. И которая была важнее, определить трудно. Во-первых, в ночное время собаки вместе с часовыми несли службу, и, надо признать, очень эффективно. В интервью одного из полевых командиров мятежников, которое он дал корреспонденту французской газеты, именно это обстоятельство отмечалось как одно из нескольких, мешающих эффективным действиям против сторожевых застав и гарнизонов. А во-вторых, психологический аспект присутствия собаки на заставе. Собака требует ухода, ласкового обращения, общение с ней эмоционально разгружает напряженный мозг. Она напоминает дом, она, если хотите, создает уют. Одним словом, собака — это друг.

Таков общий «портрет» сторожевой заставы.

...Итак, колонна начала движение на заставу № 1. А я, новый командир батальона, еще пока в качестве зрителя, пытаюсь постичь азы этой неизвестной и непонятной мне войны. Мне все интересно: и «клетки» полей с виноградом, и лежащие впереди горы, на которых расположены мои заставы, и работа саперов с охраняющими их двумя отделениями разведчиков, и порядок построения колонны, и особенности ее движения. То есть абсолютно все кажется непривычным и интересным. Мне только еще не верится, что в нас, никому не желающих зла, могут стрелять, что могут, наконец, меня просто убить. И весь мой организм до последней своей клеточки

протестует против такой несправедливости. И идущие впереди саперы с щупами, проверяющие наиболее опасные участки дороги, и перебегающие от укрытия к укрытию разведчики, и эти танки с БТР, эти автоматы с двумя вместе связанными магазинами — все это кажется какой-то странной игрой, пусть и серьезной, но игрой.

А вдоль маршрута движения, на обочинах дороги, все чаще встречаются обгоревшие корпуса БМП, оборванные катки от танков и колеса БТР. Капитан Мельников поясняет: «Вон то колесо от командирского БТР, а этот автомобиль был подбит и сгорел в прошлую проводку». От всего увиденного крепче сжимаю рукой автомат и ловлю себя на мысли, что некоторое время не понимаю сути происходящего.

Тем временем саперы обнаружили мину, накладным зарядом взрывают ее. Очень медленно колонна идет вперед. 600 метров преодолеваем за полтора часа. Наконец приходим на заставу. Напряжение отпускает. Обратное идти легче и быстрее. «Блок» прикроет. Теперь начинаю внимательнее присматриваться к действиям личного состава. Срабатывает профессионализм: кое-что уже не нравится, в частности инженерное оборудование заставы. Ставлю конкретные задачи, определяю жесткие сроки исполнения, приказываю доложить об исполнении лично мне.

При возвращении колонной уже командую сам.

Около 16 часов прибываем в Баграм. Настроение отличное. Я уже побывал в боевых действиях, чувствую себя увереннее. И пусть сегодня не стреляли, важно, что мы и я лично ждали боя и были к нему готовы. И теперь я вправе командовать другими, я проверил себя.

Идем в баню, но помыться не успеваем. В результате нападения на 27-ю сторожевую заставу погибли два человека: командир заставы и его заместитель, один человек ранен. Я никогда не видел этих двух парней живыми. Но я увидел то, что стало с ними в результате этой

войны. Именно в тот день, 7 июня 1986 года, в мое сознание вошла война. То, что я увидел в баграмском морге, куда приехал с группой офицеров и солдат, которые должны были опознать трупы погибших товарищей, можно увидеть только на войне. Войне жестокой, безжалостной и беспощадной к человеческой боли.

Радостное настроение отменяется. Отменяется на два ближайших года. Веселиться здесь нет ни времени, ни повода. Здесь идет война.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Несмотря на сложность боевой обстановки, периодически удавалось делать короткие записи об увиденном и пережитом. Вот некоторые из них.

«19.6.86 г. Неожиданности в жизни. Неуправляемость сроком жизни в условиях войны очевидна. Вчера 20-я сторожевая застава два часа отбивалась от мятежников, убитых и раненых нет. Потери противника, по докладу Гулиджана, четыре человека, есть раненые. Каждому свое! А сегодня на той же заставе случайным выстрелом ранен рядовой Сарухонян. Вот и думай, что может произойти и когда. Артиллерия стреляет каждую ночь, вначале замечал, теперь, вроде, привык».

«29.6.86 г. Основная проблема — потери. Люди гибнут — это не может быть нормой. Главная опасность — мины. Люди устают, устают физически и морально. Пристывает чувство опасности, и гибнут. Нужен постоянный психологический допинг. Стиль работы должен быть таким, чтобы любым способом заставить чувствовать опасность. Когда идут перестрелки, отражение нападений на заставу или колонну, все оживают. Реальная опасность заставляет работать мозг, мышцы. Самое страшное, что к мысли о возможной смерти как-то привыкаешь. И это расхолаживает».

«3.7.86 г. «Духи» озверели. Стреляют регулярно и точно. Вчера ранило трех моих солдат. Стреляют ночью и днем с близкого расстояния. И серьезных мер принять практически невозможно. Все боевые действия, которые

приводят к нашим потерям, они начинают первыми. Мы только отвечаем. Бывает удачно, а случается, что и не знаем результатов. Ни одного дня не проходит без обстрела какой-либо сторожевой заставы.

Всю тактику действий, которую мы отработываем в мирных условиях, нужно менять. Точнее, не тактику, а подход к занятиям.

Всякая линейность, принятая в большинстве случаев на занятиях в мирное время, это игрушки для детей. Реальность — это другое!»

«11.10.86 г. Пошли колонной на двадцать шестую и одиннадцатую заставы. Дивизия обеспечила «блок».

Беспечность наших солдат беспредельна. Все, начиная от командующего и ниже, требуют высочайшей бдительности при каждом шаге. А в действительности? Наш солдат разделся, разулся в трех шагах от смерти, развеел костер и греет кашу. Вывод: звено сержант — командир взвода не понимает серьезности проблемы. День прошел без потерь, но семь человек ранено».

«12.10.86 г. Пошли на девятнадцатую сторожевую заставу. Потеряли танк на mine. Пробит в нескольких местах БТР из безоткатного орудия и ДШК. Все живы».

В декабре 1986 года участились обстрелы наших самолетов на взлете. Противнику приходилось вести огонь на максимальной дальности, что сказывалось на результативности. Наше командование решило расширить охраняемую зону. Своих сил и средств для этого у меня не было, поэтому для выполнения задачи была выделена мотострелковая рота из другого полка, дислоцирующегося в Рухе.

Проведя боевые действия и оцепив войсками большой участок местности, мы выбрали три подходящие крепости, где и посадили заставы. Две из них расположились достаточно удобно, возле канала. Наличие воды в

тех условиях имело почти решающее значение. А вот третья, 28-я застава такой возможности не имела. Правда, там рядом был маленький арычок, вытекающий из канала, но его легко можно было перекрыть, что часто делали в ночное время мятежники без особой для себя опасности. Поэтому на заставе мы создали запасы воды: четыре резиновые емкости по пять тонн каждая и несколько железных общей емкостью около 20 тонн. Рассчитывали, что этих запасов хватит на месяц-полтора, а за это время мятежники смирятся с отторжением территории. И тогда можно будет либо завезти еще, либо провести от канала арык. Мы делали свое дело, а мятежники свое.

28-я сторожевая застава стала подвергаться ежедневным методичным обстрелам. Условия местности позволяли мятежникам скрытно подбираться на близкое расстояние и бить из различного оружия. Но застава держалась стойко. Через три недели непрерывных боев среди офицеров и солдат ее стали называть «Брестской крепостью». Во время обстрелов были пробиты емкости с водой, которые находились в укрытиях, но за пределами заставы. А 20 января 1987 года 82-мм мина разорвалась в том самом месте, где хранились резиновые емкости с водой. Личный состав заставы пытался спасти хотя бы часть воды, но вода не горох, собрать ее трудно. Таким образом застава осталась без воды.

Командование дивизии решило обеспечить заставу водой, а также завезти продукты и боеприпасы, заменить часть личного состава. На подготовку отвели три дня. Был создан сводный отряд из различных подразделений танкистов, разведчиков, мотострелков. Командиром был назначен я.

Боевые действия в таких случаях начинаются с постановки «блока» (то есть создания коридора безопасности, по которому проходит грузовая колонна под прикрытием боевой техники). Танковой группой командовал майор Майсак, опытный офицер, срок службы в Афгани-

стане которого подходил к концу. Сколько сил и средств сосредоточили против нас мятежники, сказать сложно. Но, судя по вспышкам в разных местах, не менее 8—10 гранатометов, 2—3 ДШК и большое количество минометов и автоматов.

Бой начался сразу, еще до подхода к каналу. Постоянно меняя огневые позиции, используя заранее подготовленные ходы сообщения, кяризы, толстые стены глиняных дувалов, мятежники могли долго сковывать действия отряда. Наше преимущество — техника и броня, на их стороне — инженерное оборудование района и фанатизм.

Трудно сейчас во всех подробностях восстановить в памяти весь бой. Во-первых, за давностью событий, а во-вторых, после этого боя было их так много, похожих друг на друга. Но все же некоторые детали запомнились отчетливо.

Почти была завершена постановка «блока» до сторожевой заставы. События развивались для нас пока не так плохо. Но вот у мотострелков появились три человека раненых, правда легко. Я немедленно эвакуировал их на БМП. Острота боя нарастала. И вот когда она достигла своего апогея, когда от разрывов снарядов и поднятой пыли вокруг стало почти ничего не видно, я почувствовал, что личный состав «блока» несколько запаниковал. Эфир радиостанции был забит ненужными в данный момент докладами: «Я такой-то, гранатомет справа», «Я такой-то, в меня вlepили, но все живы». И далее в том же духе...

По радиостанции я потребовал от всех замолчать. Несколько раз повторил свое требование. Эфир вроде затих. И тогда в этой тишине я начал говорить ровным и спокойным голосом. Я говорил о том, что все мы мужчины, что мы находимся не на дне рождения, а на войне и что на ней бывает еще страшнее, а то, в кого и как стреляют, я вижу сам. Попросил всех молчать. Увидел цель —

стреляй. И помни о том, что бой только начался, а боеприпасы могут кончиться до его окончания. Еще я сказал, что командовать здесь могут только майор Майсак и я, остальным же необходимо выполнять ранее полученные приказы.

Не осмелюсь утверждать, что именно мой трехминутный монолог подействовал. Скорее подействовало психологическое осознание, что в этом крошечном огненном аду каждый не один, а с товарищами. Но эфир больше не кричал возбужденными голосами, и огонь наш стал более прицельным. Мы начали пропускать через коридор по две машины. Мятежники сделали еще несколько попыток обстрелять грузовики, но налетевший ветер быстро разогнал поднятую пыль. Район боевых действий стал просматриваться, что позволило нам пресекать эти попытки. Таким образом, на данное время вопрос обеспечения заставы был решен, но в целом проблема осталась.

Через несколько дней на этой же 28-й сторожевой заставе в результате минометного обстрела появились раненые. Эвакуировать раненых поручили мне. Понимал, что делать это придется снова под ожесточенным огнем. Естественно, это никого не устраивало. Стали совместно искать выход и довольно неожиданно пашли его. Майор В. Колесников при обсуждении подобной проблемы однажды порекомендовал взять с собой машину с громкоговорящей установкой и через нее вступить в контакт с мятежниками.

Мы так и сделали. Когда прибыли в район, переводчик по громкоговорителю передал обращение к мятежникам. Суть его была такова: лишней территории нам не нужно, но застава где стоит, там и будет стоять, и все попытки нападения сумеет отразить, в чем они, вероятно, уже убеждались. Мы не сделаем ни одного выстрела, если противоположная сторона будет вести себя благоразумно. Пришло время подумать о том, что скоро придет весна, а с ней время обработки виноградников. Но

при такой обстановке делать это окажется невозможно. А ведь они должны чем-то кормить себя и своих детей. Танкисты доложили, что через приборы наблюдения обнаружили несколько групп мятежников. Назвав ориентиры на местности, где находились эти группы, мы сказали, что видим их, но стрелять пока не станем. Начали ставить «блок». Изготовившиеся к бою мятежники позиций не оставили. Я дал команду направить орудия в их сторону и покачать стволами в подтверждение того, что мы их видим. Я распорядился огонь без моей команды не открывать.

Так мы и простояли в тот день в течение трех часов друг против друга, не снимая пальцев с кнопок пушек, а они со спусковых крючков гранатометов. Но выстрелов в тот день не прозвучало ни с той, ни с другой стороны.

Еще несколько дневниковых записей.

«4.3.87 г. Сегодня в 15.00 был тяжело ранен майор Плотицын — командир разведывательного батальона. От большой потери крови умер в медсанбате. 27 февраля мы с ним говорили по поводу войны, академии, поездки в Кабул и бронжилетов. Я его спросил: «Почему ты не носишь бронжилет? Ведь тебе до замены осталось немного». В ответ он сказал: «Кому суждено утонуть, тот никогда не будет повешен!» Поговорили о чем-то еще незначительном. Один осколок — в живот, другой — под сердце. Вот так. Если бы меня серьезно спросили, за что мы воюем, я не смог бы ответить. Что мы защищаем? От кого? Кому нужна эта война? Кто ее начал? Кто и когда ее закончит? Доктора Хайдера, который голодает 160 дней, знает весь мир. А вот майор Плотицын, который погиб в 31 год, неизвестен никому. И помнить его будут только родители. Первая программа ЦТ регулярно передает о том, как много сдается банд, как хорошо идет перемирие, как хорошо идут дела, войны опять нет. А что на самом де-

ле: ни одного дня без войны, войны жестокой и несправедливой. Зачем это нужно нашей стране? Непонятно!»

«27.4.87 г. День апрельской революции — примерно как у нас 7 ноября. Разница только в том, что у нас это действительно праздник всего народа. А здесь все замерло, заглохло, изготовилось к бою. Нет ни праздничных украшений улиц, кишлаков, нет праздничного подъема народа, нет ничего, что бы хоть отдаленно напоминало праздник. Внутренняя политическая обстановка характеризуется тем, что усложняется ежедневно, ежедневно. За период с 1 января по 24 апреля 1987 года обстрелы городков, застав, постов и колонн увеличились в три раза в сравнении с тем же периодом 1986 года. Политика национального примирения не принесла ожидаемого результата. На стороне бандформирований свыше 130 тысяч человек, ведущих боевые действия. В предвидении близкого вывода советских войск резко сократилось число сочувствующих народной власти. А переход мятежников на сторону народной власти почти прекратился. Ни на какие компромиссные соглашения главари бандформирований не идут. Их активность резко возросла.

Учета потерь мятежников не веду. Проверить поступающие данные сложно, а порой невозможно ни по каким каналам. Да и достоверность имеющихся данных весьма сомнительна. Основная цель сегодня, стоящая перед всеми, — не просто выиграть бой, а выиграть его без потерь личного состава. Техника, вооружение, имущество, даже если они стоят очень дорого, ничто по сравнению с жизнью людей.

Размышляя в ходе войны о различных вещах, приходишь к выводу: в современной войне огромное значение имеет командир взвода. Он непосредственно обучает и воспитывает, организует жизнь и быт личного состава. И от его компетентности, уровня политического сознания,

морально-деловых качеств зависит боеготовность солдат».

Май 1987 года пришел на землю Афганистана со своим теплом и буйной зеленью. Весь народ празднует весенний праздник Рамазан. Согласно обычаям он празднуется целый лунный месяц. В течение этого периода всем мусульманам запрещается принимать пищу и воду в светлое время суток. Заканчивается месяц трехдневным празднованием, в течение которого люди приносят жертву Аллаху: различных животных, много едят и веселятся. Погибший в эти три дня воин, по поверью, попадает сразу в рай. Отомстить врагу в эти дни, убить его тоже большая доблесть для воина-мусульманина.

В начале мая, 6—7-го числа, на 26, 19, 11 и 20-й сторожевых заставах заканчивались продукты. В связи с большой активностью мятежников требовалось пополнить боеприпасы. Все наши попытки обеспечить сторожевые заставы по воздуху, с помощью вертолетов, успехом не увенчались. Командующий 40-й армией категорически запретил использовать их в этом районе в связи с участвовавшими случаями обстрела из крупнокалиберных пулеметов. Тогда командир дивизии генерал В. Барынькин принял решение провести боевые действия в «зеленой зоне» с целью обеспечить сторожевые заставы продуктами, боеприпасами и всем необходимым для жизни и войны.

Полковник Барынькин Виктор Михайлович прибыл в Афганистан в конце июля 1986 года на должность командира дивизии. Высокий, стройный, с коротко стриженным, почти полностью седым волосом, в безупречно подогнанной, идеально отутюженной форме, он сразу вошел в курс всего, что происходило в его частях. Сразу, с первого дня, понял главное — здесь идет война.

Вероятно, такова командирская судьба: кто-то из подчиненных гордится своим командиром и хочет быть на

него в чем-то похожим. Кто-то считает, что он в том или ином вопросе не прав, а кто-то даже полон обиды за то, что с ним якобы поступили несправедливо. Я не был подчинен Барынькину непосредственно, но я работал с ним полтора года. Видел, как говорится, человека не со стороны.

Подготовка к боевым действиям началась сразу после Первомайских праздников. Для участия в них привлекалось большое количество подразделений и частей.

Впервые генералом Барынькиным была проведена большая работа с местным населением. Состоялись предварительные переговоры со старейшинами всех кишлаков, находящихся в зоне предполагаемой операции с целью оказать влияние на полевых командиров отрядов мятежников для мирного решения вопросов, связанных с обеспечением сторожевых застав.

За несколько дней до начала боевых действий старейшины пригласили в клуб соединения. Всем им были вручены небольшие подарки. Состоялся долгий откровенный разговор. Обсуждались вопросы мирного «сосуществования». Старейшины заверили, что с полевыми командирами вопрос будет решен положительно. Через органы разведки уточнялась возможность массирования сил и средств в этом районе. Преднамеренно «случайно» мы назвали предполагаемую дату начала боевых действий.

Жаркие дни 11—12 июня не забудут те, кто принимал участие в обеспечении сторожевых застав в Чарикарской «зеленке». 11 мая в 7 часов утра все привлекаемые войска сосредоточились на исходных позициях. Артиллерия готова к открытию огня. Боевые колонны должны начать движение одновременно по трем маршрутам. Из кишлаков, находящихся в районе предполагаемых боевых действий, спешно стали уходить женщины с детьми. Это плохой сигнал. В 7 часов утра на КП подполковника Аушева прибыл старейшина кишлака Калай-Малик и

сказал, что полевые командиры объявили свое решение— воевать!

Впрочем, на другой ответ в то время рассчитывать не приходилось. Было принято решение начать проводку колонн по двум маршрутам одновременно. В 8 часов 30 минут колонны начали движение в «зеленую зону». По правому флангу к 20-й сторожевой заставе пошла колонна майора Александра Александровича Довлятшина. Вероятно, для мятежников это стало полной неожиданностью. С таким большим размахом подобного рода боевые действия еще не проводились никогда. Не встретив серьезного сопротивления, Довлятшин быстро поставил «блок», под прикрытием которого к заставе пошли грузовые автомобили. К 10 часам колонна была заведена на заставу и к 17 часам вышла из «зеленой зоны».

Несколько по-другому развивались события на втором направлении. Колонна под командованием командира разведывательного батальона майора Петра Дроздова без особых проблем дошла до канала. При проверке единственного перехода через водную преграду саперы обнаружили, что он с двух сторон заминирован. При попытке преодолеть канал мятежники открыли огонь. Прикрывая саперов огнем БМП и танков, майор Дроздов принял решение: несколько в стороне от этого места положить танковый мост и по нему провести колонну. Мост навели, и боевая техника преодолела канал. Таким образом, к 13 часам «блок» был поставлен только лишь до одной заставы. К 15 часам, отражая постоянное огневое воздействие на колонну, выставили «блок» до следующей сторожевой заставы. В этот день мы обеспечили всем необходимым три сторожевые заставы, не потеряв убитым ни одного человека, но так и не сумели пробиться к самой дальней.

В 19 часов генерал Барынькин собрал командиров. На совещании коротко обсудили положение, сложившееся к исходу дня, и согласовали план дальнейших действий.

Раннее утро 12 мая. За ночь провели перегруппировку подразделений. Из разведбата Дроздова, оставленного на ночь в «зеленой зоне» на «блоке», докладывали, что обстановка нормальная. Расстояние от 11-й сторожевой заставы до 19-й около 1200 метров, но пройти эти метры необходимо по сплошным зарослям виноградника, тутового дерева, тополей и других насаждений, которые еще в давние времена были насажены вдоль дувалов и арыков. Примерно на середине маршрута находился, полностью разрушенный за годы войны, населенный пункт Калай-Малик. Обойти его справа очень тяжело из-за небольшой низменности, которая заливается водой из арыков. Слева развалины дувалов вплотную подступают к бетонным берегам канала. Принято решение идти вдоль канала.

Самое страшное на войне — это идти первым. Идти вперед в логово врага, не видя его, но твердо зная, что он там есть, что он тебя видит, целится в тебя и ждет момента, когда наверняка сможет тебя убить. Первыми на этой войне ходили саперы. Но впереди саперов всегда шло еще несколько человек, которые показывают дорогу и в какой-то степени обеспечивают безопасность саперов. В этот раз первыми пошли майор Александр Арсентьевич Соколов, начальник штаба батальона охраны, и его постоянный спутник сержант Хафизов. Пригибаясь, прячась за дувалы, перебегая от укрытия к укрытию, они пошли вперед. За ними двинулись танк с тралом, инженерная машина разграждения и танк с навесным бульдозерным оборудованием. Вплотную за ними с развернутыми «елочкой» орудиями, готовыми в любой момент к бою, начала движение колонна мотострелкового батальона с танками. Началась постановка «блока».

До Калай-Малика колонна прошла без выстрелов. Первый выстрел всегда неожиданный, как бы его не ждали. Он страшен тем, что он первый, и ты, даже примерно, не можешь представить, когда и откуда он будет сделан.

Первый выстрел прозвучал с противоположной стороны канала. Им был тяжело ранен командир группы саперов.

Так начался этот бой. Бой 12 мая 1987 года в Чарикарской «зеленке». Колонна была встречена плотным огнем из развалин кишлака и с противоположного берега канала. Подавив мятежников огнем артиллерии, орудий БМП и танков, колонна продолжала движение. Остановившись было нельзя. Если остановишься, возникнут сомнения, а если сомневаешься — задачу можно и не выполнить. Этого не должно быть ни при каких обстоятельствах.

Колонна медленно, давая сопротивление, идет вперед метр за метром. Вот впереди, в лесу, показался красный флаг, поднятый на самую высокую точку сторожевой заставы. Красный кусочек материи среди разрывов, грохота и пыли. Он вселяет надежду. Боевая колонна протянула ниточку «блока» от одной сторожевой заставы до другой. Она готова прикрыть собой людей и грузы, предназначенные для 19-й заставы.

Но мятежники так просто не отступают. «Блок» под постоянным огнем воздействием. То в одном, то в другом месте вспыхивает ожесточенная перестрелка. Но вот вроде все затихает, пора двигаться колонне с грузами.

Построение колонны в данных условиях следующее: первым идет танк или БМП, за ним две грузовые машины, затем снова танк, БМП или тягач. Колонна головой заходит в развалины Калай-Малика. Оттуда ударили безоткатные орудия и гранатометы. В ответ открыли огонь БМП и танки. В развалинах кишлака начали мелькать фигуры в черных длинных национальных рубашках, пытающиеся как можно ближе подойти к «блоку» и колонне.

Начался ближний бой. Не на жизнь, а на смерть. По радио докладывают:

— Я — Тридцать шестой. Танк горит!

В танке находятся заместитель командира батальона по вооружению майор М. Хомов.

— Как горит? Что горит? Танк движется?

— Горит что-то сверху танка, танк еще движется.

— Дойдете до заставы?

— Попробуем!

Колонна остановилась. Убит водитель топливозаправщика. Двигатель машины работает. Мятажники простреливают место перед заправщиком, не давая возможности подойти к нему. Туда пополз майор Александр Иванович Кумарянский. Приблизился к переднему колесу, встал, пытается открыть дверцу машины. Но вдруг падает, схватившись руками за ноги. Обе ноги прострелены. Сколько еще будем стоять?

— Подавить огонь! Убрать с дороги заправщик!

Презрев смерть, пригибаясь за дувалом, к заправщику побежал командир автомобильного взвода (жалею, что тогда фамилию спросить не успел). Запрыгнул в машину, передвинув убитого водителя вправо. Колонна пошла вперед.

Еще одно совсем узкое место. В оконном проеме, в 30 метрах от БТР, появились фигуры двух мятежников в черных длинных балахонах. Инстинктивно сваливаюсь на брону БТР, как-то неудобно назад и на бок. Гранатомет смотрит прямо на меня. Пули шлепают по броне глухо и зло. Автомат дрожит в руках и замирает. Все. Кончились патроны в магазине, вроде же и же стрелял совсем. Рядом, из заднего люка, бьет из своего автомата верный друг и спутник во всех походах фельдшер батальона прапорщик Валерий Иванович Коробейников.

— Живем, Валерий Иванович?

— Живем, товарищ майор!

Из люка БТР подает заряженные магазины второй верный товарищ и постоянный спутник — командир отделения связи сержант Игорь Гык. Колонна подходит к заставе, есть возможность перевести дыхание. На сто-

рожевой заставе, на самом высоком наблюдательном посту, майор Соколов корректирует огонь минометов, рядом с ним готовятся к бою два расчета АГС.

— Арсентьич, как дела?

— Нормально!

— Наши все живы?

— Пока все! Раненого Комарянского эвакуировали в госпиталь.

— Ну будь здоров.

— Хорошо, буду!

Война — это работа, где каждый должен знать свое дело и место. Майор Александр Арсентьевич Соколов прибыл в Афганистан в конце сентября 1986 года на должность начальника штаба отдельного батальона охраны. Всегда молчаливый, он производил впечатление замкнутого человека. Но это для посторонних. Человек по своей натуре очень ответственный, трудолюбивый, он быстро вошел в курс своих обязанностей и общих дел батальона. Пользовался большим авторитетом у окружающих. Соколову доверялись самые «горячие» и ответственные места во всех боевых действиях. В дальнейшем он был назначен на должность командира батальона, за проявленное мужество награжден двумя боевыми орденами и медалью «За отвагу». Это человек, на которого всегда можно было положиться.

...Провести колонну на заставу — это лишь половина дела. Хоть и важная, но только половина. Необходимо еще вывести обратно технику и людей. Но вот все мероприятия выполнены, можно возвращаться обратно. Замыкающим колонны с личным составом, отслужившим два года, но еще не уволенным, должен идти командир роты старший лейтенант Петр Васильевич Пономарев.

Если спросить у воевавших в «зеленой зоне», где безопаснее — в БТР или когда передвигаешься пешком от укрытия к укрытию, то мнения всегда разделяются: одни говорят — в технике, другие утверждают — вне техни-

ки. Пономарев повел свою группу пешком. Потерпев фиаско с колонной автомобилей, буксируемых танками и тягачами, мятежники решили уничтожить «блок» и личный состав, идущий пешком.

Чтобы выйти из кишлака Калай-Малик окончательно, требовалось преодолеть небольшое, давно незасеваемое поле. А выйти из него можно было по единственной дороге, ведущей из развалин кишлака.

На этой дороге и была подбита БМП. Разгорелся ожесточенный бой. Подбитая машина мешала проходу другой техники с личным составом, уже снявшимся с «блока» и находившимся в колонне. Группа Пономарева по два человека начала по арыку преодолевать открытое место. Вокруг, отражая непрерывные атаки мятежников, сражались офицеры и солдаты мотострелкового батальона, стоявшего на «блоке». Появились раненые и убитые. Последними преодолевать поле должны были Пономарев и рядовой Сыч. Они уже приготовились прыгнуть в арык и поползти, когда пуля ударила и пробила навывлет грудь солдата. Пономарев, сделав обезболивающий укол в ногу раненому, перевязал его. В это время мятежники перешли в атаку в очередной раз. Залегшие в арыке старший лейтенант Пономарев и рядовой Сыч расчетливо вели огонь, прикрывая друг друга и по мере возможности продвигаясь вперед. Вскоре от большой потери крови Сыч начал слабеть. Тогда Пономарев потащил его на себе.

Бой на поле у Калай-Малика продолжался. Мятежники не прекращали атак. Несколько их групп проникли в середину «блока», и бой закипел с новой силой. Подшедшим танком столкнули с проезжей части подбитую БМП, и «блок» продолжил движение. Около 17 часов последняя машина вышла из «зеленки». Старший лейтенант Пономарев в изодранном обмундировании, весь в ссадинах и крови доложил командиру батальона, что личный состав, вверенный ему, из «зеленой зоны» выведен полностью. Только пришлось бросить бронежилеты ря-

догового Сыча и свой, потому что вынести их не было сил. Через несколько минут Пономарев потерял сознание. Его доставили в госпиталь, врачи определили: нервно-психическая травма. В госпитале он пролежал больше двух недель.

Дорого обошлась мятежникам попытка блокировать нашу заставу. В этом бою они потеряли около пятидесяти человек убитыми и большое количество ранеными. Однако и нам этот поход достался большой кровью: кроме подбитой техники мы потеряли шесть человек убитыми и восемнадцать человек получили ранения.

На юге, да еще в горной стране, темнота наступает почти моментально. Вот только что солнце висело над горой, а через полчаса оно уже опустилось за гору. Наступила ночь. Так закончился еще один день войны. К сожалению, не последний.

Капитан Андрей Григорьевич Майоров добровольно написал рапорт с просьбой отправить его служить в 40-ю армию. Более пяти лет прослужив в разведывательных подразделениях, он спал и видел, как будет служить в разведке. Но то ли это ирония судьбы, то ли доброе отношение судьбы ко 2-й роте батальона охраны, его назначили командиром этой роты.

Сильно огорченный, но не потерявший надежду вернуться в разведку, Майоров принял роту. Больше всего его угнетало название: батальон охраны. С этим названием у него ассоциировалась спокойная, размеренная жизнь, без неожиданностей и опасностей. Как раз все противоположное тому, о чем он мечтал, добровольно подавая рапорт. Обидно — ведь он же профессиональный войсковой разведчик.

Настроение Майорова несколько не улучшилось, когда его, уставшего с дороги, привезли на сторожевую заставу — глиняную крепость с толстыми высокими стенами, с такими же глиняными постройками внутри. Старшина роты, проявив заботу о новом командире, принес

ему новое х/б. Майоров, достав из чемодана походный утюг, начал искать, куда же его подключить. Находившиеся рядом офицеры смотрели на него с усмешкой, и тут до ротного дошло, что электричества в этих краях нет. Лишь теперь ему стало понятно, почему стоят керосиновые лампы, а кое-где обыкновенные консервные банки, наполненные маслом.

Ночью Майоров проснулся от резкого звука. Оглядевшись, увидел, как в полной темноте в разные стороны разбегаются по заставе вооруженные люди. На центральной наблюдательной вышке уже находился командир минометной батареи, «старожил» Афганистана, капитан В. Н. Чирков, подававший короткие команды двум минометным расчетам. Где-то на крыше резко и отрывисто ударил АГС. Со стороны развалин кишлака, находившегося на противоположной стороне канала, в пятистах метрах от заставы, били минометы противника. Через пятнадцать минут обстрел прекратился.

— Ну что, Андрей, пойдём спать. На сегодня они нашу боевую готовность проверили. До утра можно быть спокойным.

Уснуть в эту ночь Андрею Майорову не удалось.

Обязательным элементом жизни всякой сторожевой заставы была проверка дороги, обнаружение и уничтожение мин. Мины ставились самые разные, и, надо заметить, очень мастерски. Главным способом их обнаружения являлось наблюдение за мельчайшими изменениями на дороге. Каждый вечер специально обученные внештатные саперы перед самым заходом солнца проезжали на БТР по маршруту и внимательно его осматривали. На маршруте движения категорически запрещалось выбрасывать какие-либо предметы. БТР оставлял на пыльной дороге последний, закрывающий все остальное след — своего рода пограничную контрольно-следовую полосу. Утром с восходом солнца саперы под прикрытием БТР пешком преодолевали весь маршрут, внимательно его ос-

матривая. И, обнаружив всякие, даже самые незначительные, изменения, тщательно осматривали подозрительный район. Найденную мину уничтожали накладным зарядом. Работа эта была далеко не безопасной. За три месяца пребывания в роте нового командира таким образом было уничтожено четыре мины.

То раннее утро ничем не отличалось от всех других. Все шло своим чередом. Саперы проверяли дорогу и находились уже метрах в трехстах от заставы. За ними в 30 метрах медленно следовал БТР прикрытия. Вдруг из-за дувала слева, метров со ста пятидесяти, выстрелил гранатомет и одновременно раздались автоматные очереди. Граната упала возле колеса БТР, подняв клубы пыли и дыма.

Отделение саперов рассредоточилось и залегло. Осмотрелись. Открыли ответный огонь. Со стороны заставы на помощь уже спешил второй БТР. Раздались первые выстрелы дежурного миномета. При подходе к саперам БТР резко затормозил, прикрывая бортом лежащих в канаве солдат. Андрей Майоров вылез из БТР, по броне застучали пули. Скатившись в пыль, он подполз к ближайшему саперу.

— Живой?

— Живой! — произнес тот.

Выпустив несколько гранат, противник прекратил обстрел. И только тут один из солдат обратил внимание, что рукав гимнастерки и карман на груди у командира роты порваны. Пулей чуть царапнуло руку и сильно порвало партийный билет. (Партийный билет капитана А. Г. Майорова хранится в фондах Музея Вооруженных Сил СССР.)

Постоянные заботы командира роты о личном составе, несущем службу на шести сторожевых заставах, обстрелы, минирование дорог, подрывы техники, занятия и многое другое не оставляли времени для отвлеченных раздумий. Но тем не менее нет-нет да и возникала у

Майорова мысль: «А ведь я — разведчик». Решение пришло с появлением в роте нового заместителя командира лейтенанта Виктора Полякова. Хорошо физически развитый, стройный, с решительным взглядом, он смотрел на командира роты, как на бога, готовый выполнить любое его приказание. Так же, как Майоров, мечтал о настоящем мужском деле.

Предупредив командира батареи о своем намерении и дождавшись лунной ночи, они отправились в Калайи-Биланд. Пригибаясь за дувалами, кустами винограда, прикрывая друг друга, достаточно быстро добрались до мостика через канал. Затаились. Долго вслушивались в шорохи на противоположном берегу. Ничего подозрительного не обнаружив, Майоров быстро и бесшумно пополз на мостик. Преодолев его, затаился в кустах. Затем сюда перебрался и Поляков. Поочередно прикрывая друг друга, они достигли развалин кишлака. Передохнули. Майоров первым пробрался в дыру в дувале, за ним Поляков. Прямо перед ними, метрах в пятидесяти, на крыше разрушенного строения вырисовывались две фигуры.

Встреча была неожиданной и нежелательной для наших разведчиков. Они замерли в тени дувала. Двое в длинных национальных рубашках продолжали вести наблюдение. В руках одного из них хорошо различался на фоне неба гранатомет. После того как прошла оторопь, Майоров подал знак на отход. Преодолев весь путь обратно до канала, разведчики перебрались через мостик. Поляков подал условный сигнал. По развалинам кишлака Килайи-Биланд ударили два миномета.

* * *

Младший сержант Олег Молоковский попал в роту капитана Майорова волей судьбы после окончания учебного подразделения. Первые месяцы он, как и все молодые сержанты, больше смотрел по сторонам и работал

сам, чем командовал своими подчиненными. Отличительной чертой молодого сержанта было стремление все выполнить именно так, как учил командир роты. А Майоров учил своих подчиненных воевать, причем воевать грамотно, умело. Учил элементам рукопашного боя, скрытного и быстрого передвижения, знанию в совершенстве не только своего личного оружия, но и всего того, которое находилось на заставе. Учил оказывать первую помощь раненым и многому другому, очень нужному и важному.

Олег Молоковский ко всему относился одинаково добросовестно. Однажды, когда проводилось практическое занятие с отработкой элемента захвата пленного, сам Майоров был мгновенно захвачен и скручен рядовым Силаком и младшим сержантом Молоковским. Хотя сопротивлялся, как мог, применяя весь арсенал приемов опытного войскового разведчика.

Через полгода службы на сторожевой заставе младшему сержанту Молоковскому было поручено дополнительно к прямым обязанностям вести ежедневный учет расхода боеприпасов, распределение и учет нарядов. Оба поручения чрезвычайно ответственны. Первое потому, что это боеприпасы, а не картошка. Второе потому, что это люди, а их на заставе очень мало. И каждый кроме всех прочих обязанностей должен был нести службу на постах днем и ночью, круглосуточно. Не больше, но и не меньше других, независимо от сроков службы. К этому времени у Молоковского начал уже прорезаться командирский голос, командовал он спокойно, не срывался на крик ни при каких обстоятельствах, чем еще больше утвердил свой авторитет у товарищей.

Проведение колонны на сторожевую заставу Саяд было привычным мероприятием. И это раннее летнее утро не предвещало ничего плохого и ничем не отличалось от других. В установленном месте собралась вся колонна. Командир уточнил задачи, еще раз отработал вопросы взаимодействия в различных ситуациях, и колонна на-

чала движение. Пройдя до сторожевой заставы без огневого воздействия, воины приступили к разгрузке. Настораживали только необычная тишина и отсутствие вообще чего-либо живого в кишлаке Саяд.

Обычно при проведении подобных мероприятий из кишлака на заставу приходил его старейшина Малик, чтобы выпить кружку чая с комбатом, поговорить о сложившейся обстановке, а заодно провести разведку по поручению той стороны, а также «продать» их секреты по просьбе комбата, естественно не без вознаграждения. В этот раз Малик не вышел. Колонну разгружали быстро, слаженно. Командиры подразделений, находившиеся на «блоке» дороги, докладывали, что все в порядке. Колонна двинулась обратно. Вот по «блоку» прошли грузовые машины. Прошел тягач, тащивший неисправный БТР с заставы. Еще требовалось провести два БТР охраны и можно было снимать «блок». В это время из развалин старой крепости, которая находилась внутри «блока», раздались два выстрела из гранатомета. Обе гранаты попадают в БТР № 223, командиром которого был сержант Олег Молоковский. С разных мест одновременно бьют по личному составу из гранатометов и пулеметов мятежники. В шлемофоне голос Молоковского: «БТР подбит, стоим, имею «трехсотых» (согласно действующей переговорной таблице так назывались раненые). Связь обрывается.

А бой разгорается, набирая силу. По развалинам, расположенным за пределами «блока», открыли огонь наши минометы. Стреляют боевые машины пехоты. Колонна не может продолжать движение, пока не будет убран с дороги подбитый БТР.

...Олег Молоковский сидел на месте командира БТР, слушал команды по радиостанции. Остались позади развалины крепости. Еще чуть-чуть — и можно облегченно вздохнуть: прошли. В это время в БТР что-то дважды сильно ударило. Волна горячего воздуха придавила к

прибору наблюдения, боевая машина дернулась и, развернувшись на дороге, заглохла. Опешив от неожиданности, водитель рядовой Киков бессмысленно дергал рычаг переключения передач.

Обернувшись и увидев голову товарища с обожженными волосами, Олег понял, что произошло. Он почувствовал едкий запах дыма, заполняющего десантное отделение. Доложив комбату по радиосвязи обстановку, Молоковский показал Кикову на верхний люк: мол, вылезай. По откинутой крышке верхнего люка зацелкали пули. Люк быстренько захлопнули. Вдвоем с Киковым стали пробираться к боковому левому люку. Открыли, вдохнули по глотку свежего воздуха. Вокруг шел бой. Глухо и как-то мягко разрывались мины, и резко, зло, с треском рвались осколочные и кумулятивные гранаты от РПГ. Прикрываясь БТР, вдвоем с Киковым начали вытаскивать раненых. Время от времени по боевой машине били пули и рикошетом с противным воем отлетали. Вытащив раненых и контуженых из БТР, Олег принялся энергично трясти пулеметчика рядового Исайкина. У того видимых ранений на теле не было. Солдат находился в каком-то оцепенении. Наконец Исайкин пришел в себя. Молоковский указал ему на небольшое укрытие и на место, откуда, вероятно, по ним стреляют, приказал прикрыть. Вскоре пулемет Исайкина заработал.

Начали перевязывать раненых. Забинтовав раненую ногу, занял удобную позицию и открыл огонь из автомата рядовой Силак. Под прикрытием огня товарищей Молоковский с Киковым ползком, как учил ротный, перетаскивали раненых под дувал. Кикова Молоковский оставил с ними, а сам пополз обратно. Занял огневую позицию, открыл огонь по мятежникам, голосом подбадривая товарищей и прося их экономить патроны. С конца колонны, перебегая от укрытия к укрытию, к подбитому БТР бежал капитан Майоров. Было видно, как пули поднимают фонтанчики пыли в тех местах, где он только что нахо-

дился. Последний рывок — и он у БТР. Спокойное лицо Молоковского, как на обычных занятиях по тактике, сразу успокаивает.

— Олег, все живы?

— Все, товарищ капитан!

Выйти из боя на этот раз удалось только в 17 часов. Главной победой было то, что все остались живы. Потеря техники в таких случаях огорчает, но не очень.

Через несколько месяцев старшего сержанта Олега Молоковского, кавалера ордена Красной Звезды, назначили командиром отдельной сторожевой заставы. Однажды, прибыв к нему на «точку», капитан Майоров спросил: «Олег, у меня нет никаких сигналов и подозрений в отношении тебя, но скажи, пожалуйста, как так получается, что они (имеется в виду личный состав) у тебя всегда чистенькие, сытые и веселые, оружие в порядке? Как это у тебя получается? Ты уж случайно не кулаком правишь?» На что получил такой ответ: «Я служу не для вас, товарищ капитан, не за ордена и медали. Я служу честно и хочу доказать себе и другим, что как командир чего-то стою».

Олег Молоковский был женат и имел ребенка.

МИНЫ БЫВАЛИ РАЗНЫЕ...

Не берусь назвать точные цифры, сколько тысяч человек, проходивших службу в Афганистане, получили ранения или погибли в результате подрыва на минах. Сколько единиц боевой и другой техники уничтожено или выведено из строя по этой же причине. Но если провести анализ только по своему батальону, то это будет не менее 30 процентов.

Командование армии США и стран НАТО на основе опыта локальных войн выдвинуло концепцию «наземной минной войны». Она предполагает массовое, неограниченное по масштабу, месту и времени их боевое применение. Делается это в целях снижения маневренных возможностей ударных группировок противника, повышения эффективности огневого поражения, нарушения боевых порядков и обеспечения выигрыша во времени и пространстве.

Минная война в Афганистане носила тотальный характер и доставляла массу неприятностей нашим подразделениям. Мины устанавливались везде и причем самые различные: итальянские, американские, китайские, наши—советские. Кроме мин делали и устанавливали фугасы огромной мощности, использовались мины-сюрпризы под видом простой авторучки, зажигалки или другого предмета. Были мины магнитные и радиоуправляемые, выпрыгивающие и с часовыми механизмами. Мины ставились на дорогах и тропинках, в виноградниках и в местах вероятного скопления нашей техники и личного состава, противопехотные и противотанковые.

Мин было много, разных, всюду. И прежде чем куда-то идти или ехать или даже просто отойти на один шаг

с проверенной колеи, нужно было обязательно проверить, а нет ли здесь мин. Мое личное «знакомство» с минами произошло 18 сентября 1986 года, то есть ровно через три с половиной месяца после прибытия в Афганистан. Вот как это было. Приведу несколько выдержек из своего дневника.

«18.9.86 г. Как говорится, испытывать судьбу дважды нельзя. Два дня назад в меня стреляли в упор, но я живой. Сегодня под моим БТР взорвалась мина, и опять жив. Что это? Везение или отсрочка? Все вокруг кричит: «Будь осторожен!» Вроде как чувствовал, что наеду на мину. Смотрел на дорогу, словно гипнотизировал ее. Думал сказать водителю: «Смотри, смотри внимательней!» Но там, где она стояла, увидеть ее было невозможно. На обратном скате бугорка и причем правее основной дороги метрах в четырех.

Вначале была яркая вспышка, затем какой-то гром, с меня слетают кепка и очки. Я все это ясно ощущаю, но ничего не могу сообразить. Ни страха, ни боли, никаких других ощущений кроме недоумения: что происходит, куда я лечу и почему? Сознание обжигает мысль: бьют из гранатомета. Откуда? Инстинктивный профессиональный взгляд вокруг — увидел дым и яму. После этого доходит: подрыв на mine.

Добрый советский БТР, сколько жизней людских ты спас! Второе левое колесо оторвано так, словно его никогда и не было, бронированный борт завернуло на 90 градусов вверх. А мы все живы! Спасибо конструктору, который придумал эту замечательную машину. Все остальные события дня будничны и просты. Главное на сегодня, что жив сам и живы подчиненные. Правда, уши заложило так, что почти ничего не слышу. В остальном чувствую себя здоровым.

Самое страшное для меня — остаться калекой, без ног, рук. Все, что угодно, только не это. И второе —

это, конечно, семья. Не могу себе представить, как Татьяна и дочь узнают об «этом», что нет мужа и отца. Это страшно!»

«9.10.1986 г. Сегодня в 12 часов дня на 11-й сторожевой заставе погибли два солдата. Два советских паренька, и прослужили-то они у нас всего два месяца. Погибли в результате подрыва на mine. Это ужасно! Как с этим бороться? Они бы жили, если бы выполнили все мои требования. С каждым призывом молодых воинов все начинается заново. Они не верят в смерть, они ее не видели. Они считают себя людьми, познавшими войну и научившимися воевать. Рядовые И. и Г. не поверили моему опыту и опыту других солдат. Они вышли за пределы сторожевой заставы и отошли метров на восемьдесят. Зачем они это сделали? Самое вероятное — хотели набрать винограда. Какой же он «дорогой», этот проклятый виноград!»

«7.1.1987 г. Первая запись в новом году. Много было всяких событий. Был отпуск, промелькнувший, как солнечный лучик, были бои, и бои жестокие. В их числе неудачный поход на 19-ю заставу, когда, попав в «зеленку», прошли полтора километра, потеряли двоих человек убитыми и семерых ранеными. Конечно, просто пройти на танках можно было, но провести колонну так, чтобы ее не потерять, возможности не имелось. Мятажники действуют мелкими группами, бьют из гранатомета осколочными, бьют кумулятивными, бьют из стрелкового оружия. И все это в нас. Выкопали себе ходы сообщения, окопы, соорудили доты и воюют. Конечно, им в этой войне тоже достается и от танковых пушек, и от оружия БМП, и БТР. Но мы открываем лишь ответный огонь. У «духов» тактика действий проста: подкрадываются, затаиваются, выждав момент, делают один-два выстрела и — в ход сообщения или в кяриз. Затем перебираются на новую позицию метров через 100—150 и

снова стреляют. Уничтожить они нас не могут, но даже один убитый — это страшная беда.

Второй поход на ту же заставу также оказался безрезультатным. К тому же мятежники успели заминировать противопехотными минами все обочины вдоль дороги. При первом же обстреле бойцы стали разбегаться с дороги к укрытиям. В результате подорвался на mine рядовой Г. Ему оторвало ногу, человек лежит без ноги на минном поле и просит помощи. А вокруг посвистывают пули. Говорят, что та пуля, которую ты слышишь — не твоя. Может быть, но все равно, ситуация не из приятных. Вытаскивал рядового Г. старший прапорщик Коробейников Валерий Иванович 39 лет. И страшно ему было идти на минное поле, но необходимо. Теперь я начинаю понимать, почему все побывавшие в Афганистане почти ни о чем не рассказывают. А что рассказывать? О том, как гибнут советские солдаты и офицеры? О том, как страшно ползти по минному полю под пулями за своим раненым товарищем? Об этом так просто не расскажешь. Да и не хотят знать об этом там, в Союзе. Без знания обо всем этом проще и легче жить».

«10.4.1987 г. Сегодня ходили колонной на Саяд. Итог: два подрыва. К счастью, все живы. Но один танк требует капитального ремонта, второй отремонтируем сами. А случилось все так. Саперы проверили маршрут. Колонна из 16 единиц техники прошла нормально. А на обратном пути произошли подрывы. Таким образом, либо это управляемые фугасы, либо мины с таким секретом, который в данном случае наши саперы разгадать не смогли. Сейчас самое страшное — это мины. Стоят старые, ставятся новые, все перемешалось».

* * *

В этих коротких дневниковых записях показаны четыре абсолютно не связанных между собой ни по време-

ни, ни по месту событий эпизода. Одно их связывает — мины. Мины, которые подстерегали нас повсюду. Ни с чем не сравнимы чувства человека, который едет по не проверенной и не очищенной от мин дороге, все внутренние органы существуют как бы в невесомости и независимо друг от друга, трепещут внутри, ожидая, что вот-вот произойдет взрыв.

Часто встречались мины-сюрпризы. К примеру, авторучки. В одном из подразделений, дислоцировавшихся в Кабуле, произошел такой случай: мальчишка-афганец попросил у нашего солдата пачку сигарет в обмен на авторучку. Сделка состоялась тут же. Мальчишка убежал. Когда наш солдат начал авторучку разбирать, произошел взрыв, в результате пострадали руки и лицо солдата. И вот такие минные ловушки можно было ожидать где угодно и в чем угодно.

Может возникнуть вопрос: почему же мы позволяли противнику все это делать? Да, мы понимали серьезность положения и принимали меры по предупреждению подрывов, розыску и уничтожению мин. В этих целях действовались все штатные инженерно-саперные подразделения, оснащенные новейшей техникой. Использовались специально обученные на розыск мин собаки. В каждом подразделении имелось отделение внештатных саперов. Все это было. Но и мин было много, они попадались повсюду, и пройти дважды по одному и тому же маршруту, дважды его не проверив, было нельзя. Минная война велась целенаправленно, крупномасштабно, и умолчать сейчас о том, что она приносила результаты тем, кто эти мины ставил, — значит не раскрыть одного из главных направлений нашей работы — борьбы с минами.

БОЕВОЕ БРАТСТВО

Политика национального примирения, объявленная правительством Афганистана с 15 января 1987 года, ощутимых результатов не приносила. Формирования мятежников не спешили переходить на сторону афганского руководства. А те из них, которые и решались на это, были маломощны.

Ожидалось решение о выводе советских войск. Афганская оппозиция призывала формирования мятежников активизировать боевые действия. Служба на сторожевых заставах стала невероятно сложной. Бывали дни, когда одна и та же застава подвергалась обстрелам до трех раз. Обеспечивать их продуктами и боеприпасами стало все труднее. А после кровопролитных боев 11—12 мая у командования и личного состава появился «синдром «зеленки». Одна только мысль о том, что приближается срок, когда любым способом нужно доставить продукты на заставы, повергала всех в уныние. В этой тяжелой обстановке мысли людей все чаще стали обращаться к вертолетчикам. На Баграмском аэродроме дислоцировалась отдельная вертолетная эскадрилья. Командир — майор Сергей Лаптев, замполит — майор Александр Секриер. Вертолетчикам приходилось выполнять различные задачи. Предела возможностей для них в условиях Афганистана, кажется, не существовало.

Они прикрывали с воздуха колонны, идущие по дорогам, поддерживали нас огнем, выбрасывали десанты и забирали их обратно, доставляли продукты и воду на горные и другие сложные заставы, забирали с поля боя раненых и доставляли их в госпитали. Они разыскивали и

спасали летчиков со сбитых самолетов, летали на максимально возможных и невозможно низких высотах. Они делали свое дело добросовестно, в любых условиях. Их сбивали, они горели, но, когда было нужно, они взлетали снова.

Замечено, что из всех сложных ситуаций существует два выхода: один верный, другой ошибочный. Задача состоит в том, чтобы найти единственно правильный. Мы искали этот выход совместно с авиаторами. Поначалу был предложен вариант доставки продуктов в специально смонтированных каркасах на внешней подвеске вертолетов и сброс их на заставу без посадки. После нескольких тренировок над аэродромом по ряду причин от отказались. Но, используя опыт тренировок с корзинами, пришли к выводу, что таким способом на тросах внешней подвески можно доставлять дрова. Этот вариант был опробован над аэродромом и ранним июльским утром успешно практически осуществлен.

После долгих раздумий продукты решили доставлять посадочным способом ночью. Они укладывались в вертолет таким образом, что на их разгрузку силами личного состава сторожевой заставы уходило две-три минуты. Тщательно продумывались вопросы обозначения сторожевой заставы и посадочной площадки. Провели несколько тренировок в ночное время над аэродромом. Подготовка к обеспечению сторожевых застав, таким образом, держалась в большом секрете. Продукты завозились и загружались в вертолеты только ночью и за час до взлета.

И вот первая попытка. Первое освоение еще одного сложнейшего полета, находящегося далеко за пределами допустимых авиационных норм. Успех полный! От взлета до посадки прошло всего десять минут, а решены крупнейшие проблемы, сохранены жизни многим нашим воинам. Напряжение, давившее ежедневно, ежеминутно, отпустило. Наконец-то найден способ. Может, и не простой, требующий тщательной подготовки и большой от-

ветственности, сопряженной с определенным риском, но все же подвергающий опасности меньшее количество людей.

20-ю сторожевую заставу 1-й роты батальона охраны по ее расположению и условиям организации службы на ней можно отнести к одной из самых сложных. Она стояла в глубине «зеленой зоны», с внутренней стороны изгиба канала, на перекрестке дорог и тропинок движения групп мятежников. Застава представляла собой глиняную крепость размером 40 на 50 метров, с одноэтажными постройками внутри по двум смежным сторонам. К ней примыкал небольшой виноградник, обнесенный со всех сторон дувалами и протянувшийся до канала.

Со стороны главного выхода из крепости, в десяти метрах от дверей, силами личного состава и командира старшего лейтенанта Володи Куркова была возведена стена из глины высотой около двух метров. Под прикрытием этой стены вырыли бассейн размером пять на восемь и глубиной более трех метров, в который по арыку из канала проходила проточная вода. По углам крепости на крышах строений и на специально возведенных лесах стояли сооруженные из глины и камня наблюдательные вышки, своей формой напоминающие небольшие башенки старых русских крепостей.

Внутри крепости стреляными гильзами от танковых снарядов были оттрассированы дорожки. Из подручного материала сделали небольшой, но очень удобный спортивный уголок. Оборудованы убежище для личного состава и склад под боеприпасы. Окна в строениях были заложены глиняными кирпичами, а под самым потолком оставлены небольшие оконца. Крыши строений укрепили камнями и глиной так, чтобы 82-миллиметровая мина от миномета их не пробивала. В крыше были проделаны люки, позволявшие личному составу выходить прямо в башенки. На не занятом строениями месте воины разбили грядки для выращивания лука и цветов. На одной

из башенок на высоком шесте алено полотнище — символ жизни сторожевой заставы. Вокруг заставы, особенно со стороны канала, росла буйная зелень.

Это место хорошо бы использовать для отдыха, если бы не одно «но»: оно заключалось в том, что застава ежедневно, порой не один раз, подвергалась обстрелу. Особенно страдала от этих обстрелов восточная башенка с установленным на ней красным флагом, расположенная ближе всех к развалинам, заросшим зеленью. После очередного повреждения башенки Куркову пришла мысль: восстановить башенку, флаг перенести на противоположную сторону заставы, а на эту башенку водрузить небольшое зеленое полотнище и серп полумесяца, вырезанный из жести.

Результат превзошел все ожидания: по башенке огонь вести практически прекратили. Но минометные обстрелы продолжались.

Вечером 28 декабря 1987 года начался очередной минометный обстрел заставы. Дежурный по заставе сержант Козлов подбежал к комнате для хранения оружия, чтобы открыть ее. В это время в полутора метрах от него упала мина. Основную массу осколков приняла на себя вбитая в землю стреляная танковая гильза, но часть их ударила сержанта по ногам. Он упал. Товарищи отнесли Козлова в укрытие, разрезали ему голенища сапог, обе ноги были сильно посечены. Сделали перевязку, но кровь продолжала идти. Положили раненого, укрыли его.

Рассчитывать на быструю эвакуацию в госпиталь в этих условиях не приходилось. И сержант Козлов это также понимал. Он мужественно переносил боль, время от времени спрашивая находящегося на заставе 43-летнего замполита батальона майора Кислова Г. П.: «Товарищ майор, наверное, отрежут мне ноги?» И опять замолкал. Кислов постоянно находился возле раненого, успокаивал его, как мог. А по радиостанции просил, уговаривал комбата скорее эвакуировать сержанта, предлагая

свой вариант выхода: используя ночь, попытаться вынести раненого на руках. Крайне тяжело смотреть на муки боевого товарища, сознавая, что все возможное в данной обстановке ты для него сделал. А подвергать смертельной опасности жизни многих других людей, даже во имя высокой цели, — такого права у нас не было.

Связались с летчиками и со штабом армии, доложили обстановку. Оттуда дали «добро» на проведение эвакуации вертолетом. Для обеспечения безопасности летчиков, на тот случай, если вертолет будет сбит, создали мобильную бронированную группу из четырех танков, взвода БМП и двух минометов «Василек». Действие таких групп предусматривалось всегда, когда вертолеты делали посадку на заставе. Собрав бронированную группу, коротко объяснив обстановку, определив порядок действия во всех ситуациях, мы начали движение. Исходный район группы находился у самой кромки «зеленки», на кратчайшем направлении к сторожевой заставе.

В 4 часа утра операция началась. Темнота кругом еще такая, что не видно вытянутой руки. Боевые вертолеты прикрытия поднялись в воздух. По радио переговариваемся с Сашей Секриером. Контролируем обстановку. Вот с аэродрома поднимаются еще два вертолета. Один основной, другой — дублирующий. Вертолет на малой высоте проходит над нашей колонной, берет курс на ориентир — видимый с воздуха канал. Прошла минута полета. Застава доложила, что сигнальные опознавательные огни зажжены. Еще одна-две минуты — и все облегченно вздохнут. Но тут откуда-то снизу, из темноты, вырывается вверх шлейф яркого пламени, на мгновение всех ослепив. Сразу запрашиваю заставу: «Вертолет пришел?» Ответ: «Нет». Спрашиваю Секриера: «972-й! Где вертолет?» Ответ: «Не вижу». Но взрыва-то не было. И тем не менее вертолет никто не видит ни с земли, ни с воздуха. Вертолет пропал. Но не может же он исчезнуть бесследно? Надо искать. Вот оно, то мгновение, из-

за которого ты здесь стоишь и тайно в душе всегда надеешься на благоприятный исход. То ли от страха, то ли от напряжения начинают мелко дрожать колени. Все еще ожидая чуда, по радио спрашиваю: «Не пролетал ли он мимо заставы? Может, заблудился?» Ответ прежний: вертолета нет.

Лукавят все те, кто утверждает, что на войне не страшно. На войне бывает жутко. Главное не расслабиться, побороть этот страх, причем сделать это нужно быстро. Не дать возможности появиться подлой мыслишке, иначе найдется причина оправдать свою трусость.

Без дороги, ломая дувалы и мелкие деревья, по виноградникам, напрямую к месту предполагаемого падения вертолета пошла колонна. Замполит эскадрильи дает команду дублирующему вертолету забрать раненого. Вертолет садится на заставу, берет раненого и уходит. Но мы этого уже не видим.

...Начальник медицинской службы батальона лейтенант Прач Василий Васильевич находится в первом вертолете, летевшем на заставу за раненым. Вдруг его, сильно подбросив, кинуло в сторону кабины. Больно ударившись несколько раз обо что-то, он потерял сознание. Очнулся. В кромешной темноте нащупал недалеко от себя автомат. Присмотрелся. Впереди тускло светился проем открытой двери. Ничего еще не понимая, он выбрался из вертолета. Рядом, помогая друг другу, через окна разбитой кабины выбирались летчики. Вертолет лежал бокком на глиняном дувале. С обломанным хвостом и несущими винтами, с полностью помятым носом и оторванными шасси. Собравшись вместе, два летчика, борттехник и врач почему-то шепотом начали выяснять, что же произошло. Так и не разобравшись толком, в чем дело, прикинули свои возможности. Оказалось негусто: четыре автомата, один пистолет, две гранаты и укомплектованная медицинская сумка.

Отошли от вертолета метров на тридцать—сорок, за-

легли. Приготовились подороже отдать свои жизни. Где-то далеко глухо ревели моторы танков. Высоко в небе стрекотали вертолеты. Пролежав так около пяти минут, стали думать, как поступить дальше. Канал они не перелетали. Значит, застава где-то совсем рядом. После короткого совещания решено было идти вперед. Пройдя метров сто, услышали впереди голоса. Разобрать, о чем говорят и кто, было невозможно. На всякий случай залегли. Через несколько минут кто-то громко крикнул на русском языке. В небо взлетела ракета. В 250 метрах перед ними находилась сторожевая застава.

В это время бронированная группа в кромешной темноте шла вперед. Казалось, что нет конца и края и этой ночи, и этой не торенной никем дороге. Прошли уже приличное расстояние, а ни вертолета, ни людей нет. Вдруг в эфире появился позывной заставы. «Я, Памир-двадцать, летчики и врач у нас. Все живы». Меняем направление движения в сторону заставы, до которой метров шестьсот—семьсот.

На востоке медленно разгорается рассвет. Через 15 минут мы у заставы. Смотрим друг на друга, смеемся, плачем и обнимаемся. Торжествует боевое братство. По одному человеку рассаживаем спасенных в танки и, не заходя на заставу, по кратчайшему маршруту быстро уходим из «зеленки». Через 20 минут после нашего ухода сторожевая застава подверглась жесточайшему минометному обстрелу. К лежащему неподалеку и поэтому хорошо просматриваемому через кусты вертолету пытались подобраться люди с оружием. Застава сильным огнем воспрепятствовала этому. Через полчаса вертолет сгорел.

ВОЙНА ЕСТЬ ВОЙНА

Меня часто обжигает обида, когда я слышу разговоры о том, что якобы многие из отслуживших в Афганистане парней вернулись наркоманами, с надломленной психикой и разными другими отрицательными качествами. Были ли там у нас эти проблемы? Если однозначно сказать «нет» — значит погрешить перед совестью. Если же сказать категоричное «да» — значит незаслуженно обидеть своих боевых товарищей.

Дело в том, что вопросы, связанные с употреблением «чарза», неуставными взаимоотношениями, время от времени ставились на повестку дня. Но, подчеркиваю, время от времени. Не систематически.

Попробую коротко пояснить. Кто знаком с обычаями этой страны, тот знает, что мужчины-афганцы спиртных напитков, как правило, не употребляют. Во всяком случае, та их часть, которая верит в Аллаха и соблюдает все обычаи. На торжествах мужчины собираются в отдельной комнате, едят приготовленную пищу и курят. Но курят не простой табак, а такой, в который добавлен «чарз» — наркотик, туманящий сознание, облегчающий мысли и уводящий от проблем.

По этой причине «чарз» распространен в Афганистане. И в таком случае у кого-нибудь да возникает соблазн его попробовать. Из личных бесед со многими военнослужащими, как во время службы, так и, главное, после их увольнения, я для себя сделал вывод, что по одному разу «чарз» пробовали около половины курящих. А курящими в моем батальоне были далеко не все. Не курили, например, те, кто ходил в горы на боевые действия. Вместо сигарет они получали сахар.

Пробовали «чарз» от 5 до 10 раз процента три из числа курящих. А систематически курили наркотик единицы, причем не в каждом подразделении. И при хорошей постановке разъяснительной работы, как правило, получались соответствующие результаты.

Следующей проблемой, которая отнимала много времени, была проблема формирования коллективов, создания в них доброжелательной обстановки и исключения неуставных взаимоотношений. Последние для нас представляли особую опасность. Стоит только представить замкнутую среду сторожевой заставы, отрезанной от внешнего мира, с многочисленными ежедневными проблемами, с большим количеством оружия у всех, с постоянными обстрелами и нападениями, чтобы понять — почему.

Одной из провоцирующих неуставные взаимоотношения была проблема приготовления пищи на заставе. Занимался этим повар, а вот мыть посуду нужно было всем по графику. Так вот, нарушение этого графика и становилось проявлением неуставных отношений.

Другим проявлением было умышленное изменение времени несения службы на посту. Стоять в карауле с 7 до 9 часов утра — это одно, а с 11 до 15 часов — это уже другое. В это время жара доходила до плюс 58 градусов, и понятно, что желающих стоять на посту при таком пекле было значительно меньше, чем с утра, по холодку. Часто ли эти нарушения были? Скажу честно: с проблемой мытья посуды мне приходилось разбираться в батальоне что-то около пяти раз за два года. Но, учитывая то, что я не всегда обо всем знал, возможно, это было чуть почаще. С подменой графика дежурства сталкивался дважды, причем на очень серьезном уровне, с привлечением комсомольской и партийной организаций, с неприятными последствиями для всех виновных.

Расскажу еще об одной типичной ситуации. После года службы я приехал в отпуск в маленький районный

центр Сибири. Буквально на второй день слух о моем приезде уже дошел до родителей ребят, служивших в Афганистане. И пошли ко мне ходоки. Спрашивали, уточняли, рассказывали каждый о своем единственном и самом дорогом сыночке. Родители есть родители. Один из отцов, ведя разговор о своем сыне, с гордостью подчеркивал, что он уже старшина. Двое из сыновей приехавших ко мне родителей служили в десантной части Востротина, и я пообещал найти их и передать им небольшие посылочки.

По приезде в Баграм я в тот же день поехал разыскивать своих земляков. Но, несмотря на все мои усилия, одного из них я найти не сумел. А когда начал спрашивать о нем второго своего земляка, Андрея Шатуло, то выяснил, что никакой он не старшина, а работает на банно-прачечном комбинате и поэтому прячется от меня, стесняясь подойти. А в горы его не берут потому, что он через несколько километров «умирает» — силенок нет. Теперь мне стало все понятно: почему он не захотел со мной встретиться.

Вероятно, самым страшным наказанием в Афганистане в боевых частях было то, что солдата по разным причинам не брали на боевые действия. А чаще всего такими причинами являлись физическая слабость и безволие. И тогда таких солдат окружала стена холодного отчуждения. Это и могло породить самые настоящие неуставные взаимоотношения: «Эй, ты, на боевые не ходишь, сбегай-ка за сигаретками, принеси водички, зашей гимнастерку...»

Вариантов множество. Подобные ситуации требовали большого внимания от командования и правильно поставленной воспитательной работы. И подавляющее большинство солдат выполняли свой воинский долг честно. Так в итоге получилось и с моим земляком. Когда я уезжал по замене в Союз, то заехал к нему проститься. Но в полку его не оказалось: он был на боевых действиях.

В моей повседневной работе нередко возникала еще одна очень острая проблема, которую приходилось решать вместе с подчиненными офицерами и прапорщиками всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Ибо столкнулся я с ней только в Афганистане и никакими теоретическими, а тем более практическими знаниями для ее решения не располагал.

В самом начале я упоминал о том, что у большинства молодых людей, попавших в Афганистан, напроочь отсутствовало чувство страха. Прослужив там всего лишь месяц, я сделал для себя вывод, который и записал в дневнике:

«29 июня 1986 г. Люди гибнут — это не может быть нормой. Притупляется чувство опасности, и люди гибнут. Нужен постоянный психологический допинг. Стиль работы должен быть таким, чтобы любым способом заставить чувствовать опасность. Самое страшное, что к мысли о возможной смерти как-то привыкаешь. И это расхолаживает».

Так вот, проблема, о которой я хочу поговорить, это проблема психологического привыкания человека к мысли о возможности своей смерти. В общем, если смотреть на эту проблему с позиции просто военного специалиста, ведущего войну, то факт психологического привыкания к мысли о возможной смерти вполне логичный. Но с позиции командира, отвечающего за каждого своего подчиненного, это совершенно ненормально.

Министр обороны, обращаясь ко всем офицерам в приказах, специальном письме, по телефону через командующего, требовал, просил, убеждал: воевать без потерь! Да и глупо даже подумать, что кто-то хотел чьей-то смерти или кто-то сам хотел умереть. Личный состав армии был полностью обеспечен всей необходимой техникой, боеприпасами, бронжилетами и другими материальными средствами. Конечно, на войне потери неизбежны.

Но их было бы значительно меньше, если бы каждый воин ежеминутно стремился сохранить свою жизнь.

Запомнился мне один разговор со своим замполитом. Случилось следующее. До меня докатилась информация, что в район расположения моих 2-й и 3-й застав пришла какая-то воинствующая группа, которая не собирается выполнять наше джентльменское соглашение с командиром дислоцирующейся в этом районе группы мятежников о взаимном неведении огня друг по другу. Утром на построении я объявил всему личному составу, что категорически запрещаю проезд на эти заставы на автомобилях без прикрытия БТР. Даже завоз продуктов требовал осуществлять только на бронированной технике. Не выполнив моего приказа, один начальник поехал на заставу на КамАЗе. Туда добрались благополучно, а, возвращаясь обратно, попали под огонь засады. Водитель КамАЗа был убит сразу, пули попали в голову. На водителе был надет бронежилет, а каска лежала на сиденье. И что самое обидное: парень-то был боевой, во многих переделках побывавший, и ведь знал он прекрасно, для чего предназначена каска. Такова на войне цена безопасности.

Так вот, тяжелый разговор с замполитом состоялся по той причине, что он на всех заставах одновременно с рассказом о данном случае показывал личному составу простреленную и окровавленную пилотку с кусочком кости от черепа убитого, найденную в кабине автомобиля. С соответствующим комментарием. Я был против этого, считая такой показ кошунством по отношению к убитому. Замполит был другого мнения. Вероятно, мы были правы, каждый по-своему.

Правилом стали рассказы всем прибывающим о погибших, с анализом ситуации, при которой они погибли. Зачитывались письма, полученные от родителей. Мама одного моего сержанта в ответ на мое письмо писала: «Делайте с моим сыном все, что считаете нужным. Вы

даже можете его побить. Но прошу Вас, умоляю — сделайте так, чтобы он вернулся домой живым!» Такие письма никого не оставляли равнодушными. Кстати, о письмах.

Когда получаешь письмо от родителей своего подчиненного, в ответ на отправленное тобой, потом в разговоре с ребятами делаешь ссылки на какие-то моменты, изложенные в родительских письмах, обращаешься к их напутствиям и задаешь вопрос: а как бы они оценили тот или иной поступок своего сына, то не только получаешь неплохой результат в укреплении дисциплины, но и препятствуешь этому самому психологическому привыканию к мысли о возможности смерти. По собственному опыту скажу, что чувство страха оставить своих родных и близких без себя заставляет лишний раз подумать о своей безопасности.

Массу различных мероприятий проводили мы с целью сохранения жизней своих подчиненных. Это и строжайшее соблюдение боевой формы одежды. И в этой связи не могу согласиться с авторами некоторых публикаций, повествующих об «удобствах кроссовок», носимых на боевые действия личным составом, и о нерадивых командирах, не способных обеспечить своих подчиненных этой обувью. Я сам испробовал различную обувь в походах по «зеленке» и горам и убедился, что самая удобная — форменные ботинки. И всякое появление личного состава в иной обуви расценивал как отсутствие дисциплины в подразделении.

И многое еще в нашей работе было направлено против этого психологического привыкания. Но все делалось исключительно на основе наших эмпирических знаний и страстного желания сохранить всем жизнь. И если в боевой обстановке у наших ученых-психологов не хватило времени для изучения этой проблемы и выработки конкретных рекомендаций, то, может быть, сейчас, после

окончания афганской войны, на всякий случай на будущее стоит ей заняться.

Подробнее хочу остановиться на вопросах употребления личным составом, офицерами и прапорщиками спиртных напитков. Почему-то бытует мнение, что на войне — и Афганистан не исключение — пьют или пили все и что это якобы является нормой: дескать, после перенесенных эмоциональных и физических нагрузок алкоголь способствует восстановлению духовных и физических сил. Формированию подобного мнения способствовали, с одной стороны, рассказы ребят, отслуживших в Афганистане, о том, как они порой проводили свободное время, а с другой стороны, одностороннее освещение этой проблемы в наших средствах массовой информации.

Какие же масштабы носила проблема употребления спиртных напитков и была ли она вообще? Не рискну говорить за все части и соединения 40-й армии. Постараюсь сделать выводы только из виденного мною лично, а в качестве примеров приводить только те ситуации, участником или свидетелем которых был сам.

Итак, с 1985 года в нашей стране началась активная борьба с «зеленым змием». Воздержусь от спора насчет целесообразности этого решения и методов его реализации. Скажу только, что в Вооруженных Силах СССР был издан соответствующий приказ министра обороны и проводилось много мероприятий по его исполнению. Главная идея этого приказа заключалась в том, чтобы исключить случаи употребления спиртного в служебное время и жестко ограничить в неслужебное.

Не могу сказать, что я был ярким сторонником и пунктуальным исполнителем этого приказа. Но тем не менее общую политику в государстве, и в армии в частности, я поддерживал искренне и старался делать все для решения этого вопроса. До прибытия в Афганистан я тоже слышал байки о поголовном употреблении спиртных на-

питков в неограниченном количестве. И меня этот факт несколько тревожил. Но все по порядку.

В июне 1986 года, принимая дела и должность командира отдельного батальона, я прежде всего решил ознакомиться с личными делами офицеров и прапорщиков, чтобы иметь какое-то представление о людях, с которыми предстоит работать. Комбат В. П. Лопаткин, которого я сменял, коротко характеризовал каждого человека, чье личное дело я внимательно изучал.

Взяв в руки личное дело командира 3-й роты, я обратил внимание на тот факт, что капитан Валерий П. по возрасту старше меня, командира батальона, на три года, а в должности командира роты уже девять лет. На мой вопросительный взгляд Вячеслав Павлович невозмутимо ответил: «Алкоголик». Все что угодно я ожидал услышать в порядке объяснения, но такой характеристики, которая укладывалась бы в одно единственное слово, я и предположить не мог. На вопрос, как он оказался в Афганистане, вразумительного ответа я не получил. Потому что мой предшественник и сам толком ничего не знал, но был твердо уверен, что человек этот пронаций и верить ему, а тем более доверять людей, нельзя.

Продолжая разговор об этом командире роты, Вячеслав Павлович убеждал меня, что попытки перевоспитать его бесполезны и, мол, самое лучшее — в кратчайшие сроки уволить его из Вооруженных Сил. Правда, Слава заметил, что сам он уже дважды оформлял документы на предмет увольнения капитана П. и даже отправлял его лечиться от алкоголизма (и это в условиях войны), но по каким-то неведомым причинам документы каждый раз возвращались обратно.

Капитан Валерий П., крупного телосложения, с круглым и несколько одутловатым лицом, с прической явно не армейского образца, давно не знавшей расчески, в не совсем опрятной форме, в стоптанном правом ботинке, после получасовой беседы производил впечатление, мо-

Одна из окраин Кабула

На улице афганской столицы

Обустройство сторожевой заставы

Боевая техника на марше

Сторожевая застава лейтенанта А. Генералова

Генерал-майор В. Барынькин на одной из застав

Только вертолетом можно долететь ... (доставка груза на заставу)

Подполковник М. Пашкевич вручает сержанту И. Вобищевичу медаль "За отвагу"

Снимок на память. Сидят (слева направо) : рядовые В. Бабеев, В. Федосеев, Л. Сийлак. Стоят (слева направо) : сержант О. Молоковский, капитан А. Майоров, рядовые Х. Киков и К. Силютин

Беседа со старейшинами кишлаков

Афганские мятежники широко использовали мины-"сюрпризы"

В одном из кишлаков провинции Перван

Дороги войны ...

В память о погибшем советском воине

жет, несколько неряшливого, но отнюдь не глупого человека. Закончил военное училище с красным дипломом, как специалист был подготовлен неплохо, умел работать с людьми, быстро находил контакт с подчиненными. И они ему помогали или, вернее сказать, старались не подводить.

При нашем первом знакомстве я его прямо спросил: как так получилось, что без спиртного он обходиться не может? На что он, не отводя в сторону глаз, ответил, что знает свои ошибки и недостатки, но они в прошлом, а сейчас все будет по-другому. Все это было сказано с такой подкупающей искренностью, что невольно в душе возникла надежда: а может, не совсем пропащий человек, может, найдет силу воли исправиться? Ведь столько людей, собрав силы и волю, излечивались от этой страшной болезни. Нельзя сказать, что я безоговорочно поверил П., но надежда на то, что он бросит пить, у меня появилась.

Собираясь домой по замене, мой предшественник спросил, как я отнесусь к тому, что свой прощальный ужин в коллективе он проведет со спиртным. Несколько поколебавшись, но успокоив свою совесть тем, что это он организует, я дал свое согласие. На ужине присутствовали все управление батальона и несколько товарищей со стороны. Прошел он без каких-либо эксцессов. Но, проходя после ужина по территории батальона, я слышал, как играет гитара в офицерском домике, доносятся возбужденные голоса и громкий хохот по поводу очередной шутки. И понимал, что слышу это не только я, но и часовые, стоящие на постах, и дежурная смена радистов, и весь резервный взвод, чья палатка находилась неподалеку от домика офицеров и прапорщиков. И представлял себе, о чем все они могут думать по этому поводу. Ведь если что-то запрещено, то это должно касаться всех.

Сам по себе подобный факт, может быть, и не заслу-

жил бы такого пристального внимания в обычных условиях, но здесь-то условия были не обычные. В любую минуту все могло измениться, и в считанные минуты мирная жизнь могла превратиться в грохотавший разрывами реактивных снарядов ад. А значит, здесь не может быть служебного и неслужебного времени. Тем более что вокруг звучали автоматные очереди и темное небо разрывалось светящимися линиями трассирующих пуль. И вела огонь ствольная и реактивная артиллерия. А невидимые снаряды, пролетая с каким-то треском-шелестом, рождали в душе непонятную тревогу.

Утром на построении, отведя офицеров и прапорщиков в сторону, я объявил свое решение о том, что впредь все торжества в батальоне мы будем проводить без употребления «горячительных» напитков, чем вызвал недоверчиво-скептические улыбки и сомнение в возможности выполнить это решение хотя бы самому.

Время на войне идет по-разному. Иногда не заметишь, как пролетел месяц — вроде только начался, а вот уже и двадцатое число. А иногда один день тянется так долго, что к вечеру кажется, что прошла неделя и переспрашиваешь, какое же сегодня все-таки число.

Приняв дела и должность, включившись в работу, я закутился в повседневных заботах, и задача контроля за употреблением спиртных напитков сама собой отошла на задний план. Да и не попадался явно никто. Но всякое тайное рано или поздно становится явным. Так, возвращаясь однажды со сторожевой заставы управления 1-й роты, я решил проехать в управление 3-й роты. Разогнав свой БТР, насколько это было возможно, мы проскочили наиболее опасный участок и через несколько минут оказались на дороге в 150 метрах от управления роты. И хотя основная часть личного состава находилась за стенами заставы, я все же обратил внимание на какую-то суету среди ее обитателей. Доложить с рапортом ко мне выбежал старшина роты. На мой вопрос, где ко-

мандир, он ответил, что командиру нездоровится и он уехал в санчасть батальона. Что-то в его ответе меня насторожило, да и выехать из роты куда-либо командир мог только с моего личного разрешения. Внимательно осматривая заставу, я зашел в небольшой садик на заднем дворе. Среди низко опущенных веток айвы, привязанный к широкой афганской деревянной кровати, запрокинув голову, весь облепленный мухами, спал пьяный командир роты Валерий П. Человек, который должен вести за собой людей, обучать и воспитывать, которого уже одна его должность обязывала быть примером, сейчас выглядел так гадко и отвратительно, что более мерзкой картины, чем эта, мне видеть не приходилось.

А произошло следующее. Напившись, капитан П. приказал ротному технику заводить БТР и везти его в батальон. Тот, конечно, отказался это делать. Тогда П. схватил автомат и стал кричать, что застрелит техника как «бешеную собаку». Подчиненные разоружили своего командира и, желая избежать дальнейших неприятностей, привязали его к кровати. Увидев же мой БТР, они перенесли его вместе с кроватью в садик, где я его и нашел. Я приказал загрузить капитана П. в грузовую машину и доставил его на гарнизонную гауптвахту. После этого случая все мои надежды на чудо-выздоровление алкоголика ушли раз и навсегда. А люди, склонные к употреблению или употреблявшие спиртное, стали объектом моего пристального внимания. Что касается капитана П., то я в очередной раз отправил документы на снятие его с должности и досрочное откомандирование в Союз с последующим увольнением из рядов Вооруженных Сил СССР.

Решением начальника штаба армии капитан П. был отстранен от исполнения обязанностей командира роты и находился в управлении батальона под моим личным контролем. И тем не менее умудрялся еще несколько раз напиваться. За что был практически постояльцем гарни-

зонной гауптвахты. А в ноябре пришел приказ откомандировать его в Союз.

История с пьянством капитана П. была еще логически не завершена, как у меня появился повод снова убедиться в том, что в условиях, когда у каждого человека имеется оружие, с «зеленым змием» необходимо не только бороться, а вырывать его с корнем. Однажды вечером, около 20 часов, мне потребовалось собрать офицеров управления для решения текущих вопросов. Быстро пришли все, за исключением двоих. И хотя территория батальона была небольшой, но в течение 40 минут найти их не могли. Вскоре они появились сами, и все стало понятно: оба были слегка навеселе.

К этому времени работа, проводимая с капитаном П., приобрела широкую гласность. Мое отношение к пьющим было однозначно. Для изоляции от личного состава и дабы чего не случилось, эти офицеры отправились на ночь в то самое заведение, где был «прописан» капитан П.

Я внимательно начал разбираться, что и как, а главное — где? Прямо за территорией батальона стояла радиостанция средней мощности, которая использовалась как ретранслятор. Начальник станции прапорщик Белов и с ним еще четыре человека жили рядом с машиной в самодельном небольшом домике-землянке. Особых хлопот у меня с ними не было. Они сделали на нашу территорию калитку, через которую ходили в баню и за хлебом.

И вот в процессе моего «частного расследования» я узнал, что корень зла там. На следующий день вместе с заместителем по тылу и замполитом я пошел «в гости» к соседу. На месте его не оказалось. Поговорив с людьми, я без особых усилий обнаружил 40-литровый бак с виноградным вином. Долго не размышляя, приказал вылить вино на землю, а бак передать замполитылу, что и было сделано.

Где-то через час, выходя из столовой в окружении офицеров, мы увидели бегущего по дорожке в нашу сторону пьяного прапорщика с перекошенным от ярости лицом. Он выдавал такие «словосочетания», что мы остолбенели. Не добежав до меня несколько метров, прапорщик сорвал с плеча автомат и полоснул длинной очередью у нас над головой. Было от чего удивиться. Он сделал еще две-три очереди в воздух, сопровождая их не особо лестными выражениями в мой адрес. Затем потребовал, чтобы все стоявшие рядом отошли от меня, ибо он будет «делать решетку». Потому как, по его мнению, какой-то щенок, только что приехавший и не успевший еще пороку понюхать, посмел связываться с ним, ветераном Афганистана, который дослуживает уже второй срок.

Из офицерского домика выбежали офицеры и, пытаясь убедить прапорщика отдать оружие, начали подходить к нему. Но Белов произвел длинную очередь в двух шагах от них и закричал, чтобы никто не делал ни шагу ближе. Из караульного помещения выбежала смена караула и бросилась на помощь. Именно это, вероятно, и отвлекло на несколько секунд Белова: он повернулся в сторону бегущих и стал что-то кричать, переложив автомат в левую руку. Командир взвода лейтенант Алиев броском достал Белова, выбил автомат у него из рук. После этого вызвали коменданта, и тот забрал Белова на гауптвахту.

На следующий день ко мне приехал представитель части, в которой служил Белов, решать его дальнейшую судьбу.

Эти два эпизода укрепили мою уверенность в том, что спиртное в условиях войны может стать причиной трагедии. Поэтому я не только наказывал за пьянство, но и стремился предотвратить разовые случаи употребления спиртного. Каких-либо других ситуаций, связанных с пьянством офицеров и прапорщиков нашей части или соседних, не случилось.

Что же касается солдат и сержантов, то здесь что-либо однозначно трудно сказать. Но, судя по документам, приказам командующего, заседаниям военного совета, политическим мероприятиям на уровне армии, постоянному общению с личным составом других частей, проблемы такой не возникало.

В моей же части был один очень запомнившийся и поучительный случай, наглядно показывающий, к чему может привести пьянство на войне. Участниками событий стали люди, которые служили все в той же 3-й роте. И хотя капитана П. уже давно не было в нашем коллективе, но корни «зеленого змия» все же остались.

Мы проводили боевые действия по обеспечению 26-й сторожевой заставы 3-й роты. Она была самая дальняя и очень сложная. На заставе командира роты, расположенной неподалеку от летного городка, осталось минимальное количество людей. Столько, чтобы обеспечить выполнение задач сторожевой заставы. Около 22 часов меня вызвал на связь дежурный по управлению батальона и доложил, что в летном городке на гауптвахте находятся три военнослужащих 3-й роты в пьяном состоянии и при них один автомат. Произошло это так. Около 18 часов вечера друзья, собравшись в курилке, решили попробовать одеколон. Взяв по флакону, разлили по кружкам и выпили. Около 19 часов (в это время уже темно) один из них вспомнил, что в летном городке у него служит земляк и что, возможно, там они разживутся спиртиком. Всем троицам до увольнения оставалось по полтора месяца.

Пригрозив дежурному по заставе, чтобы тот не вздумал доложить, они взяли один автомат и пошли. Дорога в летный городок пролежала через мусорную свалку, где валялись сгоревшие корпуса БТР, разбитые автомобили и просто разный ненужный хлам. Не дойдя до забора авиагородка метров сто, они услышали окрик часового, который через несколько секунд выпустил в их сторону

длинную автоматную очередь. Наши «герои», онемев от страха, быстренько спрятались за бронированный корпус БТР. На помощь часовому прибежал караул, который сделал пару очередей да бросил на всякий случай гранату. Тут наконец к моим «орлам» вернулся дар речи и они начали кричать, что они — свои. Их разоружили, отобрали брючные и поясные ремни и водворили на гауптвахту. Где их и застал, к счастью, живыми и здоровыми.

Возможно, читая это, многие, побывавшие в Афганистане, кто выпивал, но ни разу не был пойман, скажут: «Давай, давай — пой песню. А сколько ты не узнал, а сколько не видел?!»

Так ведь я не спорю! И согласен с этими рассуждениями. Тем более что бутылку русской водки любому желающему за 20—30 чеков мог принести каждый «бача». А в Афганистане, так же как и в Союзе, у людей бывали дни рождения, получали награды, да и праздники встречали. И смешно будет утверждать, что все эти мероприятия везде проходили без употребления спиртного.

Но тем не менее хочу в этой связи выразить две основные мысли. Во-первых, распространенные слухи о том, что три дня пьянства после боевых действий были нормой — неправда. Не существовало в Афганистане поголовного пьянства. Во-вторых, человек даже при легкой степени опьянения способен совершить много неоправданных поступков, ошибок и глупостей, расплатой за которые порой становится своя или чужая жизнь. В боевых условиях это почти правило.

Для подтверждения своих слов я расскажу одну историю, в которой безответственность командиров и личная безответственность офицера, усугубленная употреблением спиртного, привели к тяжелым, трагическим последствиям. Но об этом чуть позже.

А пока, продолжая данную тему, коснусь вкратце еще

одного деликатного вопроса. Это мой ответ той части обывателей, которые уверены, что из Афганистана все офицеры вернулись обязательно очень обогащенными.

Однажды, будучи в отпуске, я разговорился на рыбалке с одним молодым человеком, который оказался со мной по соседству. При разговоре выяснилось, что он служил в Афганистане, в Шинданте. Заметив мой неподдельный интерес, молодой человек разговорился и поведал, что прошел «огонь, воды и медные трубы», бывал в таких переделках, что в страшном сне не приснится. Потом перечислил, что он привез из Афганистана: магнитофон, джинсы, часы, косметику и кое-что по мелочи. Когда я его спросил: «Наверно, в спецназе служил?» Он ответил: «Нет. Я был водителем в агитотряде». Из его дальнейшего рассказа выяснилось, что именно агитотряды в 40-й армии несли основную тяжесть войны.

Отслужив год в Афганистане, я ехал домой в отпуск. Был конец июня, в Кабуле и Ташкенте стояла страшная жара. В Кабульском аэропорту мое внимание привлек один человек. Несмотря на такую жару, он был одет в кожаный плащ, из-под которого выглядывал джинсовый костюм, а на голове красовалась зимняя меховая шапка. Я все понял, когда снова увидел его возле самолета на летном поле. Он стоял у целой горы коробок с сервизами, магнитофонами, еще с чем-то. Я стал за ним наблюдать, очень было интересно, как же он со всем этим справится. Но, видно, своя ноша и впрямь не тянет. Он краснел, пыхтел, обливаясь потом, пытался шутить и вроде шутя просил помощи, но всюду встречал отчуждение и холодные улыбки. Так он и «тягал» свое барахло сам в самолет и из самолета. И кто же это был? Лейтенант или подполковник? Не угадаете. Это был водитель автолавки!

Тут же, на таможне, до глубины души потряс другой эпизод. Впереди меня в очереди на таможенный контроль стояли два старших лейтенанта-десантника. Подойдя к со-

трудпику таможни, один из них раскрыл свою зеленую парашютную сумку, предъявляя для досмотра содержимое. Контролер, мельком взглянув в нее, спросил: «И это все?» «Нет, — ответил старший лейтенант, — еще есть!» Вытащил из кармана зажатый кулак, раскрыл его. На ладони лежали два ордена Красной Звезды. И всем вдруг захотелось склонить голову перед этим офицером.

У меня в дневнике есть одна запись, сделанная в самом начале моей службы в Афганистане. Приведу ее полностью:

«9 августа 1986 г. Сегодня отступил от своего правила и выпил рюмку водки. Мой начальник штаба Семен Михайлович Селютин, старший лейтенант, получил орден Красной Звезды. Для него этот орден все: деньги, счастье, моральное удовлетворение, для него он — жизнь. Я рад за него. Это кристальной чистоты человек. У него, кроме ордена, ни денег, ни чемоданов с добром. Он приехал сюда лейтенантом, командиром взвода, сейчас он старший лейтенант, начальник штаба батальона. У него нет отца. Очень любил солдат и службу. Где он взял силы воспитать себя таким? А ведь у него болит все, что только может болеть. При росте 196 см и весе 110 кг каждый день пичкает себя таблетками. Трудно представить, что за два года службы можно так подорвать свое здоровье.

Родом Селютин из Курской области. Закончил Московское ВОРУ. До этого служил срочную. Сильна же наша Россия, если есть у нее такие люди! Как я рад за него, за то, что он заменяется, за его орден!

Я сегодня получил от жены сразу четыре письма. Он мне говорит: «Товарищ капитан, как я вам завидую! Вам так часто пишет жена, наверно, два раза в день». Он так искренен и бескорыстен, что его просто нужно беречь. Пусть ему повезет!»

Я мог бы рассказать о многих и многих своих и чужих знакомых мне боевых офицерах, и все мои рассказы

были бы похожи один на другой. Но, к моему стыду, был у меня и такой случай.

Однажды представитель комитета госбезопасности спросил меня: «Михаил Михайлович, у вас оружие все на месте?» Люди этой профессии просто так подобные вопросы не задают. И хотя у меня не было сомнений в правильности хранения оружия и его наличии, я все же, как говорится, для страховки решил еще раз все перепроверить.

Создал комиссию, провел ее приказом, обеспечил работу. Проверили 1-ю роту, 2-ю. Оружие все на месте. Осталась 3-я рота. Но там только что поменялся командир, и акты приема должности утверждал я сам. Все было в порядке. Но тем не менее стали кропотливо проверять. И в результате одного автомата в наличии не оказалось. Лейтенант К., за которым он был закреплен, сказал, что отдал его командиру роты Царандоя, застава которого стояла неподалеку. А забрать, дескать, не успел в связи с тем, что тот куда-то ушел. Но обязательно заберет. Было возбуждено уголовное дело. У лейтенанта К. изъяли невесть откуда взявшийся магнитофон «Шарп». В ходе следствия выяснилось, что он поменял автомат на магнитофон. Военный трибунал приговорил К. к длительному сроку лишения свободы.

За два года службы в Афганистане у меня такой случай был один-единственный.

Приводя эти примеры, я хотел подчеркнуть, что офицерам, прапорщикам и военнослужащим срочной службы, постоянно участвовавшим в боевых действиях и несшим службу на сторожевых заставах, некогда было думать о личном обогащении, а тем более заниматься им. Людей, находящихся на войне, одолевали куда более серьезные проблемы. Ну а если и встречались такие, как лейтенант К., то это было скорее исключение, чем правило. Кроме того, в Афганистане мы воевали почти 10 лет. За это время были отстроены военные городки, со-

здано коммунальное хозяйство, налажена широкая сеть торговых организаций, медсанбатов, госпиталей, различных складов и прочее, прочее. Все это необходимо было обслуживать. Кто этим занимался? Гражданские люди, вольнонаемные, военнообязанные. Может, кто-то скажет, что все они ехали в Афганистан из чувства патриотизма. Я не хочу никого из них обидеть, но все, с кем я разговаривал, поехали туда, чтобы поправить свое материальное положение. А в таком случае все способы приемлемы. Это им нужно было обеспечить себя материально, а для кого-то главным было — вернуться живым. И поэтому не нужно всех нас стричь под одну гребенку. Мы все слишком разные...

* * *

Наша военная педагогика имеет богатый опыт методов и способов воспитания. Выступая однажды перед слушателями Военной академии имени М. В. Фрунзе и отвечая на вопрос, была ли во время Великой Отечественной войны партийно-политическая работа, один из генералов ответил: «Мы делали все возможное для повышения боевого духа наших солдат, но о том, что это партийно-политическая работа, я узнал только после войны, когда сам стал слушателем академии».

Мой опыт работы подтверждает, что это не кампания или отдельные мероприятия. Главный принцип политической работы на войне — «делай, как я». Пьет командир — не удержишь и подчиненных, неисполнительный сам — такие и люди у него. Одет-обут солдат и офицер, накормлен в любых условиях, получает письма, газеты, не забыт его день рождения — это и есть политическая работа. И очень важно, как работают комсомольская и партийная организации. Только послужив в Афганистане, я до конца поверил, что комсомол и армейская партийная организации — это могучая сила! Нужно только

не бояться доверять комсомолу решать сложные и серьезные задачи.

Когда на отчетно-выборном комсомольском собрании батальона секретарем выбрали старшего лейтенанта Валерия Шамановского, тогда именно у нас стала формироваться комсомольская организация как сила, способная решать любые проблемы. Это и воинская дисциплина, и боевая и политическая подготовка, и организация жизни и быта людей, и многое многое другое. И решали не так, как порой бывает: приказал командир и замполит «разобрать и наказать» — разобрали и наказали, не приказывал — все тихо. Бывало, такого наслушаешься про себя на комсомольском собрании заставы, что стыдно солдатам в глаза глядеть.

Мне иной вопрос покажется мелким, а для них он важен! Вот так послушаешь и спешишь исправиться. И в результате польза для всех. Когда комсомол становится равным участником в решении всех вопросов, тогда и командиру тягость забот нести легче. Нужно только сделать так, чтобы он таким участником стал.

С особой теплотой и благодарностью я до сих пор вспоминаю нашу боевую партийную организацию, возглавляемую сначала Кожиным А. А., а после его замены — Борисенко А. А. Еще большее уважение испытывал я к воинам-коммунистам срочной службы, которые стали коммунистами не ради выгоды и привилегий, а исключительно по убеждению. Это сержант Малахов, Вобищевич И., Загайкевич В., младший сержант Кызым С., Гык И., Шведов С., Анищенко В.

У этих людей было обостренное чувство ответственности за жизнь своих товарищей, они пользовались огромным авторитетом, им доверялись самые сложные задачи. Особо хочется отметить Ивана Вобищевича. Так получается, что по-настоящему добрые и честные люди в глаза сразу не бросаются. И Иван ничем особым не выделялся. После прибытия в батальон его направили

на заставу № 19. За полгода эта точка не дала ни одного раненого, не говоря уже об убитых, хотя подвергалась обстрелам не меньше других и выполняла все возложенные на нее задачи.

На одном из сеансов радиосвязи командир заставы старший лейтенант Юра Холодов доложил мне, что Иван Вобищевич хочет вступить в партию. Спрашиваю: «Какой еще Иван?» Отвечает: «Мой замполит».

— Что за чертовщина?! Никакого замполита на заставе штатом не предусмотрено!

— А я, — говорит, — от вашего имени назначил Ивана Вобищевича замполитом заставы.

Этот случай натолкнул меня на идею узаконить должность замполита заставы из числа сержантов и солдат-коммунистов приказом командира батальона. Никаких привилегий эта должность не давала, а забот прибавляла много, и назначались на нее самые достойные. И работа их, ежедневная и трудная, в основном по принципу «делай, как я», давала большой положительный эффект. К концу службы Иван Вобищевич стал живым тагисманом сторожевых застав 1-й роты. Я был твердо уверен: там, где находится Иван, будет полный порядок.

Вот так, работая вместе с партийной организацией, комсомолом, нам удавалось решать большинство задач, главной из которых было сохранение жизни воинов.

ЛЕЙТЕНАНТЫ: МОЯ РАДОСТЬ И БОЛЬ

Если попробовать проанализировать стиль моей работы с подчиненными, то можно сказать следующее. Работа с заместителями — это работа равнозначных партнеров с преимуществом решающего командирского голоса. Работа в том стиле равных отношений, отступив от которого, можно прийти к панибратству, очень опасному явлению и ни в коем случае не допустимому.

Работа с командирами рот... Главное в ней — чтобы командир роты не видел в тебе своего заклятого врага, которого всякий раз непременно надо обмануть. Стиль работы справедливо строгий, с постоянным искренним желанием понять проблемы, одолевшие подчиненного. Тактично поправить и помочь в их решении. Опасную «самодеятельность» вовремя пресечь, инициативу же не губить, если она не расходится с общим направлением работы. Командир роты должен чувствовать, что ротой командует он самостоятельно, а комбат с управлением ему в этом помогают.

Но главной моей заботой, моей радостью и гордостью, моей печалью и огорчением были лейтенанты — командиры взводов, заместители командиров рот по политической части. Я мог отдавать самые умные, самые хорошие приказы, но без этих людей они бы не «работали». Я мог где-то ошибиться, недосмотреть, и ошибка моя ими исправлялась. Я был один комбат. Я был в центре, а они — на местах. Они — это я через них.

Весной, в апреле — мае, 1987 года в батальоне произошла большая замена офицеров среди взводных командиров. К нам прибыли лейтенанты Сергей Лихач, Андрей Генералов, Виталий Павлов, Олег Сегеда, Тофик

Ягудин, Игорь Золотарев, Андрей Дорош, Игорь Петянкин и другие. Все такие разные: резкие и вдумчивые, флегматичные и кипящие бурной энергией. Объединяло их, пожалуй, только одно: были они очень молоды и хотели работать. Практически все они прибыли из резерва по собственному желанию. Знакомство с молодым офицером, работа с ним — процесс всегда очень сложный. А в моих условиях, когда я мог не увидеть того или иного командира заставы от двух до четырех месяцев и общаться с ним только по радиостанции, это было сложно вдвойне.

Поэтому старался поставить каждого из вновь прибывших поближе, на заставу подступней, посмотреть, подучить, определить его возможности и потом уже окончательно решить, что он за человек и какой командир. Прибывшие офицеры мне понравились все. Сережа Лихач в первой же беседе заявил:

— Служить в батальоне не буду. Работы не боюсь, работать умею, но служить все равно буду в разведке. Для этого сюда и просился!

— Хорошо. В разведке — так в разведке. Но пока вы у нас?!

— У вас.

— Вот и давайте решать. До Нового года служите, смотрите, учитесь и думайте. Не измените позицию — будем решать. Сам из разведчиков — тяга туда понятна. Договорились?

Андрей Генералов. Симпатичный юноша, невысокого роста, с ямочками на щеках и нежным румянцем.

— Андрей, вы женаты?

— Нет.

— А девушка есть?

— Есть.

— Какого она роста?

— Чуть ниже меня. — Андрей смущенно улыбается, но взгляда не отводит.

— Ждать будет?

— Будет.

— Уверены?

— Уверен!

Взгляд голубых глаз спокойный и вдумчивый. Ответы неторопливы, взвешены и предельно откровенны, без ложного стеснения.

Виталий Павлов. Высокий, стройный, светлые волосы, точеные черты лица, голубые глаза. Слегка волнуется, от этого торопится с ответом, ошибается и еще больше тусуется. Но характер виден сразу: головы не склонит и глаз не отведет. Вероятно, несколько горяч, а может, это просто от волнения.

Олег Сегеда. Заместитель командира роты по политической части.

— Олег Васильевич, вы идете работать в сложный коллектив, где много проблем. Бывший командир роты снят: алкоголик. Нынешнего тоже будем снимать, сейчас подбираем нового.

— Трудности не пугают. Работу наладим. Рота худшей не будет.

— Олег Васильевич, сделать нужно будет так и так...

Но Сегеда уже ничего не воспринимает, он уже там, в гуще событий, он уже спланировал, как и что будет делать.

Лейтенант Игорь Золотарев. Высокотелый, с несколько опущенными плечами, отчего руки с огромными кулачищами болтаются как плети. Обувь на нем размера сорок седьмого — не меньше. Лицо очень доброе, такое лицо бывает только у великанов. Спокоен. На вопросы отвечает несколько однозначно: да, нет. Вроде какое-то безразличие или даже обреченность. Пытаюсь расспрашивать обо всем. Что-то не то. А что именно — понять не могу.

Марат Набиулин. Интересное лицо с очень развитой мимикой — никак не поймать выражения. Отвечает ве-

село и непринужденно, часто улыбается, показывает ровные белые зубы, но улыбка не очень приятная — возникает впечатление неискренности. Что-то остается за этой улыбкой. И тревога закрадывается в душу: ох и не просто мне с тобой, Марат, будет...

Каждый из прибывших — личность. Год или чуть больше после выпуска из училища, а они уже на войне. Как приходит каждое утро на свое рабочее место рабочий, как идет по утрам в свой класс учитель, как идет на работу каждый гражданин нашей страны, так и эти мальчишки пришли на войну — на свою работу, чтобы своими знаниями, своим умением, а может, и своей жизнью закрыть таких же, по сути, мальчишек от беды. Разделить с ними маленькие радости и огромные трудности этой «несуществующей» на Родине войны.

По-разному складывались и сложились их командирские судьбы. Многие из них с честью прошли через эту войну и вернулись домой живыми и невредимыми. Кому-то чуть-чуть не хватило боевого везения, и пришлось пройти через госпитали. А кому-то не довелось выйти из этого пламени, и они отдали свои жизни, быть может не понимая до конца — за что, но честно выполнили свой долг. О нескольких наиболее сложных в своем командирском становлении судьбах, о ребятах не по годам ответственных, а иногда, наоборот, не по возрасту беззаботных я хочу рассказать. Хотя все они — мои лейтенанты — заслуживают того, чтобы о каждом из них была написана целая книга.

Володя Курков. Как он радовался, когда к нему на ставку приходила колонна! Я ему делаю замечания, ставлю задачи, а он записывает и улыбается. Спрашиваю: «Что с вами? Что смешного вы видите?» А он в ответ: «Я все слышу, все записываю и все сделаю. Я просто страшно рад, что вы ко мне приехали!»

Виталий Павлов. Его отличали глубокие знания и твердый характер. Я не переставал удивляться его по-

трясающей работоспособности: он трудился день и ночь, без выходных и праздников. И в обстановке, ежеминутно готовой взорваться и часто взрывающейся грохотом разрывов и свистом пуль, Павлов сохранял хладнокровное спокойствие. И когда в феврале 1989 года мы выводили его заставу в полном окружении превосходящих числом мятежников, у него ни разу не задрожал голос и ни разу он не сорвался на крик. Все его приказы выполнялись быстро, четко и очень точно. И от этого его спокойствия был спокоен в меру и я. Потому что знал: в случае необходимости сражаться до последнего будем все как один и последний умрет от разрыва своей собственной гранаты.

Лейтенант Черногубов. Ах как клялся он найти меня после службы в Афганистане, хоть в Москве в академии, хоть в отдаленном гарнизоне, и доказать, что он не такой, как я о нем думал. А какой? Да просто очень молодой и очень энергичный, не слишком заботившийся о своей собственной жизни.

Андрей Дорош. Среднего роста, крепкого телосложения, старший лейтенант. Отличительной чертой заставы, на которой он был командиром, была идеальная чистота вокруг, порядок во всем, стремление создать максимум уюта и какие-то доверительно-домашние отношения с подчиненными. И еще только ему было присуще чувство большой ответственности за свои поступки перед отцом. Когда у нас возникла очень сложная обстановка на одной заставе и вокруг нее, я без колебания назначил туда командиром Дороша.

И все они были очень разными, со своими характеристиками, заботами и проблемами. А я для них был главным судьей и главным учителем, радовавшимся их успехам и огорчавшимся от их опрометчивых поступков. Но всегда, в любых ситуациях, я старался быть к ним добрым, видеть в них лучшее. А как у меня это получалось — судить им.

Командиром 3-й заставы Аруки был назначен Сергей Лихач. Застава находилась на склоне горы Туп, в удобном для контроля за территорией и очень неудобном для жизни месте. Сергей закончил Алма-Атинское училище. По темпераменту, скорее, холерик. Дисциплину, форму одежды, обязанности — одним словом, весь военный образ жизни любил так, как может человек любить работу, которая по душе, которая приносит радость.

Сторожевая застава, которую он принимал, долгое время была «бесхозной»: командир взвода, он же командир заставы, долгое время находился в госпитале, затем в отпуске, потом опять в госпитале, а после заменился в Союз. Обязанности командира заставы выполняли многие. Естественно, такая кадровая текучесть давала далеко не лучший результат. Личный состав заставы, чувствуя временность очередного командира, вел себя соответственно.

Свою деятельность на новом месте Лихач начал с приведения в порядок внешнего вида своих подчиненных и наведения твердого порядка в организации службы. И чем решительней он старался сделать подтянутый ремень и чистый подворотничок нормой жизни в этих ненормальных условиях, а распорядок дня и график несения службы — законом, выполнять который должны все беспрекословно, тем чаще наталкивался на сопротивление подчиненных. Ему бы где-то промолчать для общего блага, не заострять внимания на чрезмерно согнутой и заточенной по краям пряжке ремня очередного «дембеля», попробовать бы поговорить с одним-другим «стариком» ночью на посту не о службе, а о доме, работе, маме и любимой девушке, о будущей жизни. Но четыре года учебы в училище с одним месяцем практической стажировки в войсках не дают, к сожалению, необходимого опыта работы с личным составом, не формируют способности чувствовать и умело влиять на коллектив. Все это

приходит со временем. Но как же трудно, когда время это приходится на войну!

Горячее желание Лихача сделать коллектив заставы сильным боевым организмом неизменно упиралось в нежелание со стороны личного состава таковым становиться. Ох уж они, эти житейские будни! Застава за короткое время очень сильно внешне изменилась. Из камня были выложены коридоры до всех огневых позиций и построены отличные наблюдательные вышки для часовых. Кроме того, облагородили помещение для отдыха личного состава. Сделано было многое, но не получалось главное — взаимопонимание командира и подчиненных. Командир жил сам по себе, а застава — сама по себе. Конфликт между командиром и личным составом заставы принимал затяжной, осадный характер.

Часто заставу посещали офицеры управления батальона, которые, тактично не вмешиваясь в служебную деятельность ее командира, всеми способами старались свести концы разведенного моста взаимопонимания. Лихача пригласили на заседание комитета ВЛКСМ, где состоялся трудный, но честный разговор.

На самой заставе сделали перестановку личного состава, укрепили ее комсомольским активом, коммунистами. И все-таки дела на поправку шли туго.

Однажды командиру заставы показалось, что тушенка в банках расходуется не по норме. И он забирает ее в свою комнату. Тут же по заставе и за ее пределами пущен слух, что командир взвода потихонечку «объедает» личный состав из общего пайка. Хотя все знают, что командир лично приносит и отдает в общий котел не только положенный по норме паек, но и все купленное в магазине. Тем не менее ситуация обостряется. А тут еще, проводя очередной утренний осмотр, командир заставы снял изогнутую — в который уже раз! — пряжку ремня у одного из солдат, положил на камень и прострелил из автомата.

Через несколько дней, когда Сергей Лихач находился за пределами заставы, неподалеку от него взорвалась граната. Как она там оказалась и почему взорвалась — тайна до сегодняшнего дня...

Но, вероятно, самый лучший учитель — это сама жизнь. То, что не дается в училище за 4 года, познается за 30 минут настоящего — не учебного — боя. Однажды, оказавшись в очень критической ситуации вместе со своими подчиненными, лейтенант Лихач не струсил, не спрятался. Четко и грамотно руководя действиями группы, последним выходил из боя, прикрывая своих подчиненных. Оказавшись в безопасном месте, все возбужденно обсуждали свои действия.

— Ребята! А вы у меня, оказывается, совсем не такие плохие!

— Мужики! Да и лейтенант наш вроде ничего — не струсил!

На войне людям некогда долго переживать или вспоминать, что там было раньше.

Но если лед тронулся, то он обязательно растает. По итогам ведения боевых действий за полгода заставу лейтенанта Лихача командование признало лучшей в батальоне.

* * *

Лейтенант Марат Набиулин* по заведенному мною правилу для некоторой акклиматизации и изучения его морально-деловых качеств был направлен в роту к капитану Майорову. Закончив Бакинское высшее общевойсковое училище в 1986 году и прослужив в войсках почти год, он считал себя вполне подготовленным офицером. Свое назначение в Афганистан принял легко, даже с некоторым удовольствием. Война ему, впрочем, как и тыся-

* По известным причинам имя и фамилия офицера изменены.

чам других молодых людей, представлялась трудной, но интересной работой, где из всех сложных ситуаций он будет выходить непременно победителем.

Прибыв на заставу, Набиулин внимательно присматривался ко всему, что происходило вокруг. Его интересовало буквально все. Почему минометы установлены здесь, а не в другом, более защищенном месте? А как ночью определить, откуда по заставе стреляют? А для чего на каждой бойнице сделаны карточки огня? А зачем ночью на каждом посту стоят по два солдата? Почему Майоров по ночам сам ходит от поста к посту? А зачем саперы проверяют дорогу по два раза в день? Этот нескончаемый поток вопросов порой даже раздражал Майорова: ведь речь шла о таких элементарных, как ему думалось, вещах. Но, с другой стороны, дотошность этого лейтенанта, желание вникнуть во все мелочи, нравилась. Человек с первых своих шагов пытается постичь азы этой войны, ее особенности — что же в этом плохого?

Первомайские праздники встречали с хорошим настроением. Старшина с поварами готовили праздничный обед. Командир роты с секретарем комсомольской организации заставы проводили спортивный праздник, который завершился концертом. Под руководством сержанта Салманова из консервных банок, пионерского барабана и прочих «подсобных» материалов были даже сделаны ударные установки. К ним добавили две гитары, и — ансамбль хоть куда! Как всегда, пели свои, рожденные в Афганистане, песни. Лейтенант Набиулин после просьбы что-либо спеть без смущения взял гитару, перекинулся парой слов с ударником и хорошо поставленным голосом запел. Он пел и афганские песни, и задушевные лирические. Это его умение играть и петь, несомненно, притягивало к нему молодых парней.

Несколько дней спустя мы проводили боевые действия по обеспечению продуктами и боеприпасами сторожевой

заставы Саяд. Командиром взвода на эту заставу был назначен лейтенант Набиулин. Первые дни роль командира Марату правилась. Здесь, на заставе, он был ни от кого не зависим. Правда, свобода эта была весьма условной, но тем не менее он волен был делать то, что сам считал нужным. Но ежедневные занятия с личным составом, контроль за несением службы, организация и контроль за качеством приготовления пищи и многие другие проблемы, требующие ежедневного решения, и это все тогда, когда температура воздуха доходит до плюс 65 градусов, — ему быстро надоели. Внутреннему расслаблению способствовал и тот факт, что в последнее время по ряду причин эта застава обстреливалась крайне редко. Марат переложил часть своих обязанностей на замкомвзвода, часть доверил другим лицам, а сам все реже выходил из своей комнаты. Все чаще его заставляли лежачим на кровати с гитарой в руках. Обращаться с личным составом лейтенант Набиулин стал исключительно в столовой или в редкие моменты — при отдаче каких-либо указаний. Да еще когда его приглашали сфотографироваться или сыграть на гитаре...

Так и шло время службы. Застава жила сама по себе, командир — сам по себе. Сколько бы это продолжалось — сказать трудно, но тут лейтенант Набиулин заболел малярией. Прибыв к нему с колонной, чтобы забрать его в госпиталь, а заодно и пополнить запасы заставы, я случайно увидел фотографии, сюжеты которых красноречиво повествовали о том, как была организована служба. Все остальное нетрудно было представить, видя незаполненную документацию, неухоженный личный состав и грязную столовую. А беседы с солдатами и сержантами только дополнили картину.

Набиулина отправили в госпиталь, где он и пролежал все мыслимые и немыслимые сроки. И чтобы его оттуда наконец забрать, пришлось несколько раз посылать за ним врача. После госпиталя его назначили командиром

звода в 3-ю роту на заставу, куда пройти было чуть проще, чем на предыдущую. Так и служил Набиулин на этой заставе под постоянным моим наблюдением. У него на заставе часто работали замполит роты старший лейтенант Сегеда, замполит батальона, секретарь партийного бюро батальона. А каждое мое посещение заставы начиналось с подробнейшего отчета Набиулина о проделанной работе и заканчивалось постановкой конкретных задач на две-три недели: что изучить, какие документы отработать, какую работу провести с личным составом. Со временем, видя такой пристальный контроль, Набиулин стал более организован и исполнительен, появились даже элементы инициативы. В конце марта 1988 года по замене уехал в Союз капитан Майоров. На смену ему прибыл Вячеслав Олегович Галочкин. Подтянутый, с хорошей выправкой, заметной даже под полевой формой, он производил неплохое впечатление. И даже его откровенное признание, что в Афганистан он приехал для того, чтобы как можно скорее получить должность, заработать орден и поступить в академию, общего благоприятного впечатления, в общем-то, не портило. Что ж, здоровое чувство карьеры, наверное, присуще многим. Правда, оно должно быть основано на правильной оценке каждым своих возможностей.

Принимая должность командира роты, Галочкин не особо внимательно слушал, что говорил ему капитан Майоров. Ему все это казалось столь несущественным и таким ненужным, на что не стоило обращать внимания. Он приказал оборудовать себе отдельную жилую комнату и подавать туда завтрак, обед и ужин. Отношения с офицерами, прапорщиками сложились натянутыми. Никаких советов не принимал, коллективных решений не вырабатывал. Появились случаи, когда, возвращаясь на заставу из управления батальона, Галочкин приезжал с явным душком спиртного.

В середине мая прибыл по замене новый командир

батальона. Отношения у него с заместителями не сложились. Думаю, что главной причиной этого была склонность вновь прибывшего командира к частым, с выпивкой застольям.

В скором времени его освободили от должности и назначили с понижением. А обязанности комбата стал временно исполнять начальник штаба, с некоторой перспективой в дальнейшем занять эту должность. Должность начальника штаба временно доверили капитану Галочкину. Заместителем же командира 2-й роты, то есть заместителем Галочкина стал Марат Набиулин.

Свое прибытие в управление и вступление в новую должность Галочкин бурно отпраздновал, чем поверг всех в изумление. Замполит батальона попытался отправить отдыхать новоиспеченного начальника штаба, но, встретив яростное сопротивление, отступил. В конце концов любителя выпить общими усилиями уложили спать. А утром экстренно собралось заседание партийного бюро, на котором Галочкин раскаивался и клялся исправиться. Замполит батальона настаивал на исключении провинившегося из рядов КПСС и снятии с должности командира роты, но большинством поддержан не был. Так и не приняв конкретного решения, на этот раз просто отправили Галочкина в роту, намереваясь позднее вынести данный вопрос на обсуждение партийного собрания.

В начале сентября готовилась проводка колонны на заставы капитана Галочкина. После закрепления батальона Ширголя и усиления этого района подразделениями советских войск обеспечение застав не отличалось особой сложностью. Разгрузив продукты и боеприпасы на всех заставах и прибыв на 2-ю, Галочкин пригласил к себе командира взвода и Набиулина — нового заместителя командира. Достав бутылку водки, предложил выпить за успешное обеспечение застав. Перед отъездом Галочкин проинструктировал Набиулина: «Ты остаешься здесь.

Смотри, чтобы во всем был порядок!» Забрал колонну и уехал.

Через некоторое время Набиулину пришла в голову идея съездить на Саяд, к своему первому месту службы, которой он тут же поделился с командиром заставы лейтенантом Верецагиным. Тот предложение принял. Для полного укомплектования «задушевной» компании по радиостанции пригласили товарища Марата с соседней заставы, предупредив, чтобы тот был готов через пятнадцать минут. Водитель БРДМ завел машину и ждал, когда придут с заставы командир взвода и замкомроты. Он знал, что они пьяны, но он также знал, что пили они с командиром роты вместе. Так что докладывать командиру нет смысла, а доложить в управление батальона у него не хватило мужества. Набиулин, заявив водителю, что поведет машину сам, спросил, умеет ли тот обращаться с пулеметом. Получив утвердительный ответ, приказал ему занять место старшего стрелка. Командир заставы лейтенант Верецагин разместился на броне в правом люке. Товарищ Набиулина лейтенант Хорошилов — сверху над водителем. Друзья решили приехать на заставу внезапно без предупреждения.

Личный состав заставы увидел, как из-за поворота выскочил БРДМ. Кто там сидит — видно не было. БРДМ все больше набирал скорость, подъезжая к повороту на заставу. Слышно было, как рычит коробка передач. Вероятно, водитель пытался включить пониженную скорость, но у него это не вышло. Человек, сидевший над водителем, наклонив голову вниз, что-то туда кричал. Машина, проскочив поворот, все больше скатывалась под уклон. Она набирала скорость и неслась прямо на мост через реку Панджшер. В оцепенении все смотрели на бортовой номер БРДМ, несущегося мимо заставы. Номер был ротный. В это время БРДМ, въехав на мост, ударился правым бортом о перила. Вниз на камни в реку что-то упало. БРДМ, отлетев от перил, стремительно проскочив

середину моста, сбив ограждения, рухнул вниз, на камни. Удар оказался такой силы, что башня машины, как мячик, отлетела в сторону. Опомнившись, солдаты заставы, забыв об опасности, бросились вниз к реке. Старший лейтенант Набиулин лежал на месте водителя, придавленный разными железками, с переломами костей грудной клетки и ног. Он был без сознания. Штатного водителя, сидевшего в башне, вместе с ней выбросило из БРДМ, он лежал неподалеку на камнях. Лейтенант Верещагин отделался испугом: из ушей у него шла кровь, он мотал головой и ничего не говорил. Всех их перенесли на заставу. Через некоторое время, придя в себя, Верещагин смог сказать, что с ними был еще один человек. Его нашли в воде, он был уже мертв.

Через час на заставу приехали командование батальона, врач и командир роты Галочкин. Обезболивающее, введенное Набиулину, начало действовать. Он, временно приходя в себя, открывал глаза, плакал и просил автомат, чтобы застрелиться. Увидев Галочкина, сделал попытку подняться: «Командир, я подвел тебя. Если можешь — прости!» — и потерял сознание. Через неделю в госпитале он скончался.

В ПОИСКАХ ПРИМИРЕНИЯ

С первых дней пребывания в Афганистане я стремился наладить дружественный контакт не только с местным руководством, но и с населением окрестных кишлаков. В середине июля должна была состояться моя первая встреча со старейшинами кишлака Аруки. К этому готовился тщательно. Думал, на какие темы будем с ними разговаривать, что и какими словами я им скажу. В назначенный день с представителями местных органов власти мы прибыли к месту встречи. Велико было мое удивление, когда там я увидел одних только детей. Выяснилось, что все взрослые находятся в мечети и «творят» намаз.

Примерно минут через сорок стали подходить старики и рассаживаться вдоль дувала. Собралось их человек девять. Я стал им говорить, что мы здесь для того, чтобы оказать помощь афганскому народу, что я новый командир всех сторожевых застав, что буду находиться здесь два года и что все вопросы будем решать совместно. Один из афганцев поинтересовался, сколько мне лет и есть ли у меня дети. Я ответил.

Сгорбленный седой старик, опиравшийся на деревянную палку, спросил: «Почему мы должны поддерживать правительство? Где их дети? Кто в Париже, кто в Вене! А нашп — здесь». И показал палкой на маленькое мусульманское кладбище.

На этом первая встреча закончилась. Мне она принесла большую тревогу и множество вопросов для размышления. Так, пытаюсь найти общий язык с местными жителями, я то там, то здесь встречался с ними, объяс-

няя, кто мы такие и зачем мы здесь. Но какие доводы могут успокоить стариков, женщин и детей, если каждый день идет война, продолжающая разрушать их жилища, давить танками виноградники, забирать все новые и новые жизни.

Заручившись согласием генерала Барынькина, я избрал другой способ решения проблемы безопасности своих людей: запасался мукой, рисом, полностью заправлял топливозаправщик керосином и вместе с бригадой военных медиков выезжал в кишлаки. В наиболее ответственных случаях ко мне присоединялись представители местных властей, различных наших органов.

Такие приезды собирали толпы людей, в основном стариков, подростков, детей, женщин. Конечно, они собирались не потому, что горели желанием встретиться с нами, в большей степени их привлекали продукты и керосин, но для меня это было не столь важным. Главное, что местные жители начали понимать наше стремление к мирной жизни. Они постепенно стали принимать меня за человека, способного решить определенные проблемы и облегчить им жизнь. На таких встречах возникали долгие разговоры обо всем, высказывались просьбы, чтобы мы не ездили по виноградникам, не прокладывали себе каждый раз новые дороги. Я пояснил, что старые дороги минированы, а на меня возложена ответственность за жизнь моих людей. На одной из встреч старейшины согласились побеседовать с полевыми командирами мятежников, чтобы те не минировали дороги к двум сторожевым заставам. Я в свою очередь пообещал водить колонны только по старым дорогам. Так постепенно зарождалось взаимопонимание.

Как-то на очередной встрече со старейшинами Гуджирхеля один из сотрудников ХАД* показал мне на высококого, с седеющей бородкой, старика.

* ХАД — министерство внутренних дел Афганистана.

— Это родной брат инженера Хашима, главаря мятежников в «зеленой зоне» от ИОА*.

Хашиму 28 лет, окончил технический университет в одной из европейских стран, самый агрессивно настроенный полевой командир. Мы вежливо пригласили брата инженера Хашима встретиться на одной из сторожевых застав, он согласился. Многих вопросов коснулись мы в ходе более чем двухчасовой беседы. Решили, что брат лично отнесет мое письмо и передаст в руки Хашиму без свидетелей. Через пять дней он вернулся, никаких письменных ответов Хашим дать не согласился. Брата же предупредил, что, если тот хоть раз еще посмеет прийти к нему с подобным поручением, он застрелит его собственной рукой.

Но ничего. Капля камень точит...

Между рекой Панджшер и речушкой Барикав, на довольно обширной территории, располагалось достаточно большое и хорошо оснащенное формирование мятежников под командованием Ширголя. На вооружении у него были ДШК, минометы, гранатометы, много стрелкового оружия. Если соединить все заставы капитана Майорова одной линией, то получалась кривая, формой напоминающая разрубленную пополам по длине восьмерку. В ее верхней полуокружности и находилась территория Ширголя, в свою очередь вплотную прилегающая к местности, занятой формированием под командованием инженера Хашима. В нижней части воображаемой восьмерки действовала банда Аракат во главе с неким Бахиром. В группу входило около 40 человек. В основном это были жители кишлаков, расположенных в указанной зоне. Особой активностью группа не отличалась.

Земля тут была плодородная и давала большой урожай винограда. Мирные жители устали от войны, от ар-

* ИОА — партия Исламское общество Афганистана.

тиллерийских обстрелов, от постоянного страха, оттого, что не было нормальных условий для жизни и работы. Поэтому сам Бахир и весь его отряд не были заинтересованы в активной войне. И в то же время прямого контакта с представителями правительства Афганистана они избегали. Но, желая обеспечить мир на своей территории, Бахир решил выйти на контакт с представителями местных органов ХАД, а через них и с командиром нашей сторожевой заставы.

Просьба Бахира заключалась в следующем: советские подразделения, артиллерия, сторожевые заставы не должны вести огонь по его территории. А он в свою очередь гарантировал, что из его зоны ответственности не будет вестись огонь ни по гарнизону, ни по нашим заставам. Вместе с тем обеспечить, чтобы не минировалась дорога до первой сторожевой заставы и не обстреливались колонны, идущие по ней, он в силу малочисленности своей группы гарантировать не мог.

Но даже и такие условия меня устраивали. Необходимо было использовать любые возможности для обеспечения безопасности своих застав. Очень важным в этих отношениях являлось то, что Бахир поддерживал контакт с формированием Ширголя, который был не против перейти на сторону правительства на условиях, выработанных в результате политики о прекращении огня. Местные органы МГБ через Бахира вступили в контакт с Ширголем.

Для осуществления выхода Ширголю требовались боеприпасы. Передавать их было решено через сторожевую заставу № 1 «Саяд». Люди Бахира с большой предосторожностью принесли на заставу небольшую партию различных боеприпасов. Через несколько дней, подав условленный сигнал, к заставе вышли люди Ширголя. Так началась подготовка в выходе формирования мятежников и переходу их на сторону правительства.

Для обсуждения всех связанных с этим вопросов бы-

ла организована встреча Ширголя и представителя из Кабула.

Впервые мне представилась возможность лично увидеть человека, заявившего о себе особой жестокостью и непримиримостью к существующей власти. Это был невысокого роста, хорошо одетый, симпатичный молодой афганец с обаятельной улыбкой. Совсем не похожий на того «духа», какого рисовало мое воображение. Общаясь с Ширголем, в дальнейшем я неоднократно убеждался в его личной смелости и способности принимать обдуманые и грамотные решения.

В одном из совместных наших боев случилось так, что у Ширголя не оказалось под рукой автомата. Тогда он, сняв с головы традиционную для афганцев чалму, которая, кстати, выдавала его, надел шлемофон и, не прячась от пуль, стал хладнокровно снаряжать пустые автоматные магазины и подавать их мне и моим товарищам.

Бандформирования ближайших территорий, узнав о намерениях Ширголя, решили воспрепятствовать его выходу из «зеленой зоны», вплоть до физического уничтожения. Завязался бой между формированием Ширголя и бандами инженера Хашима и Шаина. Ситуация начала складываться не в пользу Ширголя. Тогда в бой вступили две наши заставы и вышедшая для прикрытия бронегруппа батальона. В результате этих действий группа Ширголя, вынося с собой раненых и убитых, смогла выйти из «зеленой зоны» под защиту наших сторожевых застав. За оказанную помощь личный состав, принимавший участие в операции, удостоился афганских правительственных наград.

После выхода я задал Ширголю вопрос: «Как в дальнейшем планируете свою жизнь?» После некоторого раздумья он ответил, что правительство предлагает ему командовать батальоном где-нибудь в другом месте, но он

хочет охранять мирную жизнь людей именно в этом районе, где и воевал. Свое желание он осуществил.

В сентябре 1987 года Ширголя назначили командиром батальона с дислокацией в зоне ответственности роты капитана Майорова. Мятежники других бандформирований начали активно обстреливать и даже атаковать батальон Ширголя. Совместными усилиями мы отбивали нападения. Когда мятежники поняли, что прямые боевые действия не приносят успеха, они решили убить Ширголя.

Однажды ночью на дом, где он ночевал, его противники совершили нападение. Телохранитель Ширголя был убит сразу, а сам он, отстреливаясь из пистолета, выпрыгнул из окна второго этажа. При падении сломал обе ноги, но нашел силы заползти в виноградник. В это время подоспели верные ему люди и оказали помощь. Мятежники, поняв, что с Ширголем им не справиться, постепенно смирились с тем, что еще одна значительная территория перешла под контроль правительства.

Другое бандформирование в «зеленой зоне» — Чарикар возглавлял представитель ИПА Доктор Шафак. Он пользовался неограниченной властью на большой территории, но также избегал контакта с нами. По рассказам местных партийных руководителей, в 1984 году у Шафака были неплохие отношения с командованием гарнизона, но потом на почве несогласия по каким-то вопросам он их порвал. И вновь вступать в контакты желания не проявлял. Мы предпринимали всяческие попытки связаться с Шафаком. Через командира сторожевой заставы попробовали установить связь с одним из подчиненных ему командиров отряда мятежников. Вот что писал мне старший лейтенант Дорош в своем докладе, переданном через мальчишку-посыльного:

«1. Посредник от имени главного «бородача» передал, что на встречу он не согласен. Согласен только на переписку.»

2. Вероятней всего, «ниточку» будут встречать. Получили такое указание «сверху». Ведут наблюдение.

3. «Бородач» через посредника просил «окурок». За это предлагает несколько вариантов, начиная с денег и до передачи пленных, если такие будут. Из всего видно, что «бородач» боится Шафака. По данному вопросу все».

Смысл этого письма ясен без дополнительных пояснений. «Бородач» — это полевой командир мятежников, имеющий свои посты в шести населенных пунктах, Мулло Касым. «Окурок» — это 5,45-мм укороченный автомат, пользующийся величайшим спросом у мятежников. «Ниточка» — это наша колонна. В другой раз Мулло Касым прислал мне со своим доверенным лицом записку следующего содержания:

«Командиру постов охраны в населенном пункте Суфьян. В ответ на Ваше письмо предлагаю следующее: предъявитель данного письма является нашим компетентным лицом, и, если у Вас есть что-то срочное, можете с ним переговорить. Так как наши высокопоставленные командиры не знают о нашей договоренности, возможно в ближайшие дни по данному вопросу направим дополнительное письмо.»

*С уважением, командир мятежников н. п. Суфьян.
19.10.1366 г.»*

Совсем другого содержания письмо поступило от более высокой инстанции.

«Советским военным советникам.»

1. В связи с тем, что вы являетесь агрессорами, встреча не состоится.

2. Солдата согласны выпустить, если отпустят Кабира.

3. Советские заставы нам очень сильно не мешают.

4. Все дальнейшие переговоры через старейшин, которые компетентны в даче гарантий.

Представитель ИПА в н. п. Суфьян».

И хотя правительство Афганистана принимало серьезные и разносторонние меры по урегулированию затянувшегося военного конфликта, диалог с руководителями мятежников шел трудно, порой со срывами и обоюдным невыполнением взятых обязательств. Но все же шел, а значит, меньше подвергались опасности наши военнослужащие на заставах, дорогах и в гарнизоне. Диалог шел, а это лучше, чем разрывы снарядов и треск пулеметов.

ПОСЛЕДНИЕ ИСПЫТАНИЯ

1988 год пришел на землю Афганистана. Год возможного конца этой долгой и непонятной войны. И чем ближе был ее конец, тем все больше накапливалось желания выйти из нее живым и невредимым у всех без исключения. Командование армии приняло решение снять мои сторожевые заставы, находящиеся глубоко в тылу у мятежников, и поставить в более удобных для снабжения и возможного вывода местах. Штаб генерала Барынькина разработал план боевых действий. Начальник разведки майор Харламов параллельно отрабатывал вариант снятия сторожевых застав без боя.

Вряд ли кому-нибудь в Афганистане пришла бы в голову мысль ночью с одним солдатом охраны и переводчиком ходить в «зеленку» на переговоры с мятежниками, не имея ни одного процента гарантии на благоприятный исход этих, далеко не безопасных для жизни, прогулок. А Харламов тем не менее ходил. Ходил не потому, что не испытывал страха, а потому, что это крайне требовалось всем советским людям, от рядового до генерала включительно.

План предполагаемых боевых действий делился на две части. Первая — снятие застав. Вторая — постановка этих же застав в новых местах.

Начало боевых действий было назначено на 4 февраля. Это утро выдалось пасмурным. Непрерывно моросил мелкий дождь. Колонны боевых машин пехоты и танков заняли исходное положение. Все, кто знал обстановку, с нетерпением ждали возвращения из «зеленки» Харламова. От того, как ему удастся решить вопросы, зависе-

ло, пойдём ли мы с боем или без него. Вот за ближайшим дувалом показался Харламов с двумя мужчинами, у которых полностью закрыты лица. Мы зашли в комнату на заставе, Харламов представил одного из пришедших. Кандого — командир одного из больших отрядов мятежников, правая рука Шафака. Он будет моим проводником. Мои гарантии — только его слово!

Все готово к движению. В «зеленую зону» я должен зайти на трех танках и двух грузовиках под имущество сторожевой заставы. Ну что же — в путь! От дождя виноградники раскисли. Препраждая нам дорогу, метрах в семистах, проходит крупный арык с крутыми полуметровыми берегами. Танк с трудом преодолевает это препятствие. О том, чтобы здесь без подготовки могли проехать автомобили, не может быть и речи.

По радио дал указание, чтобы приготовили и привезли как можно быстрее машину бревен и прислали танк с бульдозерным оборудованием. Сам же решил на танках дойти до заставы, проверить дорогу и обстановку. То ли мятежники решили устроить парад своих сил и тем самым запугать нас на будущее, то ли скорее из простого любопытства хотели посмотреть на советских солдат и офицеров, но высыпало их на крыши домов и дувалы свыше тысячи человек. Там же были установлены безоткатные орудия, вдоль всего нашего маршрута расположились гранатометчики. Практически на каждом удобном месте устроены доты с тройным бревенчатым накатом, в амбразурах установлены пулеметы. Глядя на все это воинство, каждый из едущих на трех танках невольно задумывался: «А не последний ли это мой день?» Когда на середине пути в винограднике застрял один танк, заряжающий снизу из люка молча подал всем по гранате, которые мы так же молча спрятали каждый у себя.

Граната — последняя надежда не попасть в плен. Вслух об этом никто не говорил, но, уверен, думал так

каждый. Пока вытаскивали танк, пока дошли до заставы, пока отдавал распоряжение о подготовке к быстрой погрузке, прошло часа полтора. На одном танке я пошел обратно к арыку, чтобы провести автомобилем. На середине пути мой танк застрял в винограднике. По радио доложил обстановку, приказал, чтобы с заставы мне на вырубку послали еще один танк.

Вдруг из-за поворота подошла группа людей, около пятнадцати человек, и остановилась неподалеку от нас. От нее отделился один и подбежал к нам. Лейтенант Алимов, переводчик разведотдела, находящийся рядом со мной, перевел, что это сам Шафак со свитой и просит, чтобы я подошел к нему. Мы с переводчиком выполнили его просьбу.

Вот он, знаменитый Шафак. Передо мной стоял человек чуть выше среднего роста, худощавый, с правильными, тонкими чертами лица, с чуть тронутой сединой аккуратной бородкой, с властным взглядом, в элегантном национальном костюме, поверх которого был надет светлый, европейского покроя, пиджак. Руками он перебирал четки оранжевого цвета. Обменявшись долгими взглядами, поприветствовав друг друга кивком головы, мы начали разговор.

Шафак вел беседу спокойно, буднично и неторопливо. И чем дольше он говорил, тем бледнее становилось лицо моего переводчика. Алимов стал переводить: «Он говорит, что мы не выполнили взятых обязательств по нескольким пунктам. Во-первых, обещали снять заставы тихо, но сами окружили район большим количеством техники. Во-вторых, брали обязательства провести все мероприятия за два часа, но прошло уже более трех, и ничего еще не сделано. В связи с этим о нашем договоре стало известно далеко за пределами района его власти. И к нему, Шафаку, уже идут отряды инженера Хашима и другие, чтобы свести с ним счеты. Исходя из вышеиз-

ложенного, он вынужден всех нас убить и тем самым хоть частично реабилитировать себя».

Я ожидал всего, но только не этого. «Что нужно сделать, чтобы данный вопрос решить без убийств и кровопролития?» — спросил я его. Он задумался. Что-то негромко, но напористо стал говорить ему Кандого. Шафак вновь включился в беседу. «Он говорит, — переводил Алимов, — что его люди сейчас пойдут к каналу и некоторое время не пустят сюда другие группы, в случае если завяжется бой, мы должны оказать ему всяческую помощь. Дать в его распоряжение две машины, чтобы он на них загрузил все имущество сторожевой заставы, а мои водители отвезли это в указанное им место. Мы с заставы можем забрать только людей, оружие, технику и свои боеприпасы. Все остальное должно остаться ему в качестве трофея и компенсации за нарушение договора».

Раздумывать долго не было времени, да и выбирать было не из чего. Условие принято. Передал по радио свое решение.

Так состоялась моя встреча с одним из влиятельнейших людей Чарикарской «зеленки». Встреча, к которой сам я стремился долго, но даже в самом кошмарном сне не мог представить ее такой. Шафак сдержал свое слово. Грязные, измученные, мы только во второй половине дня смогли вытащить из «зеленки» последний танк. В этот день не прозвучало ни одного выстрела. Первая часть задачи была выполнена. Но оставалась вторая, не менее сложная: поставить сторожевые заставы на новом месте.

События последующих трех дней слились в единый затяжной бой, который начался утром 5 февраля. При попытке овладеть полуразрушенной крепостью, стоявшей в стороне от дороги, по которой мы еще ездили, наши роты столкнулись с таким яростным сопротивлением, что им пришлось отойти назад. То ли Шафак решил ребаи-

литировать себя перед другими мятежниками, то ли это активно начали действовать подошедшие из других районов боевые группы, но, в каком бы месте мы ни пробовали пройти вперед, хотя бы на сто метров, повсюду встречали ожесточенное сопротивление. Тем не менее к вечеру 5 февраля крепости под сторожевые заставы были выбраны и отвоеваны. В течение двух дней под постоянным огнем противника предстояло оборудовать эти полуразвалившиеся строения так, чтобы они стали пригодными для жизни и ведения боя.

Для оборудования крепостей пришлось бросить все силы и средства, имеющиеся в распоряжении генерала Барынькина. Он придавал этим боевым действиям огромное значение. Надев бронезилет и каску, генерал лично посетил все крепости, посмотрел, какой объем работ предстоит выполнить, потребовал делать все так, чтобы потом не пришлось вновь возвращаться к этому вопросу.

Оборудование застав приходилось часто прерывать, и тогда все брали в руки оружие и совместно с «блоком» прикрывая отражали нападение противника. Так прошел первый день.

Особенно активно мятежники нападали на первую крепость, боем за которую начался второй день.

Утром 6 февраля в районе крепости было подозрительно тихо. «Блок» насторожился. Личный состав работал с утроенной энергией, без перерывов. Все понимали, что это затишье перед большой бурей. Около 11 часов перед заставой, метрах в пятидесяти, упала 82-мм мина. И, словно по команде, мины начали ложиться так плотно, что стало ясно: огонь корректируется откуда-то с соседних крепостей. Сразу же после первых разрывов личный состав, побросав инструменты, поспешил к оружию и в укрытия. Возле входа в блиндаж столшилось человек десять. Мины падают с подозрительной точностью. К танку, стоявшему в окопе, метнулся старший лейтенант Игорь Плоп. Сзади взрыв, и он не добегает до

танка. Вот мина падает рядом с кабиной автомобиля, из которого только что выпрыгнул водитель рядовой А. Мороз.

Олег Мороз, водитель машины ГАЗ-66 первой роты охраны, носил бревна для оборудования смотровой вышки. К моменту начала обстрела он выполнил почти всю свою работу. Осталось последнее бревно. С ним он и вошел на территорию новой сторожевой заставы, когда метрах в двадцати пяти впереди него на крыше строения произошел взрыв. Олег подумал: «Ну, саперы, с ума посходили — на крыше взрывают». В направлении к убежищу бежали солдаты и что-то ему кричали. Но что именно, он не понял. И тут Мороз поднял голову вверх и увидел: прямо на него сверху падает какая-то черная точка (полет мины виден невооруженным глазом).

Мина, коротко свистнув, упала в нескольких сантиметрах от его ног. Мороз открыл глаза. Вокруг почти ничего не изменилось. Так же бежали к укрытию солдаты, но неподалеку от него лежал на земле рядовой Артюхов, а чуть подалее еще кто-то. Дикая боль обожгла все тело. Обстрел заставы, мина, разрыв — все это мгновенно воспроизвело сознание. Превозмогая боль в ногах, он начал отползать в сторону, надеясь укрыться за дувалом. Опираясь на руки, сделал несколько движений, но от нестерпимой боли в глазах потемнело. Тут Олег решил позвать на помощь, однако вместо крика из горла вырвался только хрип. Он опять потерял сознание.

Олега положили в БМП и отправили в медсанбат...

От мин нигде нет спасения: ни в окопе, ни за дувалом, ни в яме. Миномет — страшное оружие. В нескольких метрах от меня падает очередная мина. Чем-то сильно бьет по лицу и ногам. Провожу рукой по лицу, крови вроде нет, голова соображает. Рядом на земле лежит Иван Истрати, у него по щеке течет струйка крови. Поднимаемся и вдвоем перебегаем за дувал. Там же сидит группа солдат. Они помогают мне сделать Ивану перевязку. За-

одно перевязывают и мою раненую ногу. К счастью, ранения легкие.

По предполагаемому месту расположения огневых позиций минометов мятежников начинает бить наша артиллерия. Через некоторое время минометный обстрел прекращается. Эвакуируем раненых в медсанбат. Артиллерия продолжает вести огонь по целям в «зеленой зоне». Через три часа от Шафака пришел посыльный с просьбой прекратить огонь и начать переговоры. В 16 часов меня привезли в медсанбат.

Медицинский батальон и инфекционный госпиталь находились рядом, разделял их только высокий глиняный забор с натянутой поверху колючей проволокой. За два года службы в Афганистане лично мне самому пришлось лечить здесь и гепатит, в простонародье «желтуху», и малярию, и два ранения. С огромной теплотой вспоминаю врачей, медсестер, санитарок, весь обслуживающий персонал.

Мне не раз приходилось наблюдать, как медсестры сдавали свою кровь, а если нужной группы не находилось, бегали, ездили на машинах по частям, искали людей с нужной группой крови. Врачи-хирурги делали, казалось бы, совершенно невыполнимые операции. Спасали людей с такими сложными ранениями, что нормальному человеку, живущему в мирных условиях, это невозможно представить даже в теории. Такими врачами были майор Григорьев и майор Виктор Ампилов. Многие раненые прошли через их руки. Многие, возможно, и фамилии этих людей не запомнили, но именно они своим трудом, своим врачебным искусством вернули к жизни, в полном смысле этого слова, десятки и сотни раненых солдат и офицеров. Именно такие врачи своим отношением к делу, скромностью в жизни могут служить живым примером не только нынешнему, но и будущему поколению военных медиков.

Через несколько дней, с неизвлеченными осколками

из ноги, я был выпсан из медсанбата под наблюдением батальонного врача.

Медленно, но неуклонно приближался срок замены. Дождались смены и улетели на Родину старший лейтенант Петр Васильевич Понаморов, капитан Андрей Григорьевич Майоров, майор Александр Арсентьевич Соколов. На их место прибыли новые офицеры, а с ними появились новые заботы и тревоги. Их нужно научить воевать, беречь свою жизнь и, самое главное, беречь жизни своих подчиненных.

Если бы меня спросили, что самое главное для себя я вынес с этой войны, я бы не задумываясь ответил: «Уверенность в нынешнем поколении наших мальчишек, не по своему желанию оказавшихся втянутыми в эту страшную кровавую трагедию. И переживших это испытание достойно, не прячась за спины, честно выполнивших свой мужской долг!» И моей главной задачей как человека, как командира было сделать все, чтобы они вернулись с войны живыми.

Может, в своей работе я был с кем-то чрезмерно резок, возможно, кто-то был мною незаслуженно наказан. Что поделаешь, в тех условиях не всегда было время, чтобы все прикинуть и взвесить.

Всем нам там было трудно. Но когда пришло время уезжать из Афганистана, при прощании со всеми на глазах выступили слезы. Слезы обиды от невозможности забрать всех с собой.

28 мая 1988 года самолет Ил-86 взлетел с Кабульского аэродрома, покружил, набирая высоту, и взял курс на Ташкент. Позади остались 24 месяца, по официальной статистике Министерства обороны исчисляемые как один за три.

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ!

У генерала В. Куценко есть такое стихотворение:

Боев живые впечатленья
На штурмом взятой высоте
Преступно предавать забвенью
В стихах или в прозе, на холсте.
Все выразить, кто как, кто сможет
И рассказать тем, кто далек,
Как слово предков снова множит
Бесстрашный русский паренек.
Какие тяготы,
лишенья ему испытывать пришлось,
Но у поэтов вдохновеенье
Афганской темой не зажглось.
Да, не сменить эскиз на «тельник»,
Оркестр — на пыльную тропу.
Не написать «Кавказский пленник»,
Но можно породить «фуку».
Вот и бытует самодельный
Фольклор воюющих ребят.
А в равнодушие беспредельном
Молчит художников набат.

9 мая 1990 года, спустя два года после моей замены и чуть больше года после вывода советских войск из Афганистана, я, надев свою парадную афганскую, зеленую с пятнами, форму, в 9.30 утра подходил к Центральному парку культуры и отдыха имени М. Горького.

В ночь на первое января 1988 года, поздравляя весь личный состав по средствам связи с Новым годом, я пригласил всех сюда на встречу, на 10 часов 1990 года.

Войдя через центральную проходную в парк, я сразу обратил внимание на большую группу людей. По мере моего приближения они все больше улыбались, кричали,

приглашая меня к себе. Подойдя ближе, я узнал рядового запаса Мошкова, а потом, оглядевшись вокруг, увидел, что тут же стоят все мои ребята: солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры. Одни — в модной гражданской одежде, другие — в своей боевой форме. Все такие красивые, многие с женами и детьми — они были так близки мне, что казалось, расстались мы только вчера. На эту встречу приехало только из моего батальона более ста человек. А потом были разговоры, рассказы о том, что кто-то уволился до вывода, а кому-то пришлось выходить из Баграма последними.

Мы разговорились с Олегом Морозом. Он рассказал о своей жизни. Как тогда, после разрыва мины, когда его привезли в медсанбат, просил, умолял сохранить хоть одну ногу. Ему казалось, что он чувствовал большой палец одной ноги, но обе ноги отняли. Еще он попросил, чтобы не сообщали о случившемся маме. Думал, что напишет сам, как вылетит, а смену адреса объяснил тем, что их вывели из Афганистана. А потом были долгие скитания по госпиталям, лечение в санатории.

Было, конечно, нелегко. Приехал домой. Проблем не уменьшилось. Спасибо ребятам-«афганцам»: поддержали, главным образом морально. Спросил его: «А материально как?» Он ответил, что получает пособие по инвалидности, выделили квартиру на первом этаже. Все это тоже благодаря хлопотам ребят из клуба воинов-интернационалистов. Они же помогли организовать поездку в ФРГ для протезирования. Прибыл он туда, а оказалось, что на одну ногу протез ставить нельзя, необходима дополнительная операция, денег же на нее у Саши не было. Теперь вот мучается: один протез нормальный, а на другом больше трехсот метров пройти невозможно. Надо искать денег. Саша тихонько вздыхает.

— Но вы знаете, я — оптимист! Поступил вот в институт на юридический факультет. Женится. Дочь растет. Так что буду бороться дальше. Буду жить!

Саша встал: «Мне пора. Вон уже ребята пошли, а мне без них до гостиницы не добраться». Опираясь на палку, не оглядываясь, он пошел к ребятам. Они окружили его, и, громко разговаривая, направились к выходу из парка.

Афганская война... Это не только без малого пятнадцать тысяч потерянных жизней советских воинов, неисчислимое количество физических увечий и травм. Это еще и масса исковерканных людских судеб.

Здесь, в московском парке имени М. Горького, тогда мне невольно пришла на память совсем недавняя встреча за тысячи километров отсюда — в городе Благовещенске, которая, на мой взгляд, довольно убедительно подтверждает ход моих рассуждений.

...На крыльце центрального универмага стоял молодой человек. Почти двухметрового роста, с широким размахом богатырских плеч, с густой шапкой жестких волос и начинающей отрастать бородкой, он показался мне знакомым. Грустно смотрел он на бушевавшее вокруг людское море, на толпы снующих туда-сюда людей. Вокруг представители местного населения и приехавшие из Китая туристы вели между собой бойкую торговлю. Продавалось и покупалось все: часы, обувь, посуда, электротовары и всякая мелочь. Но самым популярным товаром, как ни странно, были офицерские шинели. Хорошо брали серые повседневные, но особый спрос был на парадные шинели.

В молодом человеке, стоявшем у магазина, по его осанке, а более по глазам, грустно глядящим вокруг, нетрудно было угадать военного. Я тихо подошел к нему сзади и сказал: «Надо же! Шинели-то как бойко идут!» Не поворачиваясь ко мне, он ответил: «Да! Дошло дело и до шинелей...» Сделав небольшую паузу, добавил: «К сожалению, и не только до них». Тут он обернулся, и я узнал своего бывшего командира роты, кавалера ордена Красной Звезды старшего лейтенанта Виктора Тимофеевича Полякова.

После короткого мужского приветствия и дежурных

вопросов типа: «Как дела? Как жизнь? Как служба?» — Виктор сообщил мне, что теперь он старший лейтенант запаса, работает на гражданке инженером-электронщиком. Новость по сегодняшним временам не ошеломляющая, но применительно к Полякову была достаточно неожиданной.

— Виктор! Что случилось? Почему уволился?

Поляков тяжело вздыхает, пытается улыбнуться.

— Знаете, длинная это история, двумя словами не расскажешь. Пойдемте ко мне домой, чаю попьем, поговорим. Мешать никто не будет, жена у родителей.

Зайдя в квартиру к Полякову, я не увидел традиционных признаков холостяцкой жизни: немытой посуды и пыли на мебели, кругом было чисто и уютно. Обращаю внимание на штангу и гири.

— Дома занимаешься?

— Нет, регулярно занимаюсь в спортзале, а это для поддержания формы, когда нет тренировок.

Виктор заварил чай, поставил на стол мед и печенье.

— Ну, давай, Витя, теперь рассказывай!

Он опять глубоко задумался, надолго замолчал. Я не торопил его, сидел, рассматривал фотографии. Сделав глубокий выдох, как перед прыжком в воду, Виктор вдруг резко и отрывисто заговорил.

— Можно я вам расскажу все с самого начала? Все по порядку, без утайки, как на исповеди!

Я родился в 1963 году. Сразу после школы поступил в Дальневосточное общевойсковое командное училище. Офицером хотел стать страшно. Ближе к выпуску из училища я уже встречался со многими ребятами, воевавшими в Афганистане. Так получилось, что все они «досрочно» вернулись оттуда: кто по ранению — в госпиталь, кто после ранения, кто на протезах, некоторые были без ног или без рук. Общаясь с ними, я узнавал другую — не газетную — информацию. Я знал, что там идет война. И я все больше убеждал себя в том, что сразу после выпуска

нужно ехать только туда. Было огромное желание участвовать в настоящем мужском деле, проявить свои способности, силу и знания как военного.

Пришло время выпуска. Рапорт с просьбой отправить в Афганистан написали двое — Вадим Лоскутов и я. Вы думаете, с нами кто-нибудь беседовал? Напутствовал? Нет! Все произошло очень просто: зачитали приказ — в ТуркВО. Вручили предписание и — вперед! Так уже 17 августа я оказался в городе Чирчике в офицерском полку резерва. Дважды из этого полка ходил в «командировку» в Афганистан, сопровождал колонны с грузами, отвозил молодое пополнение. Был в разных местах, все видел своими глазами. После второй поездки мне предложили роту и остаться служить в Чирчике. Отказался. 27 января 1985 года я прибыл к постоянному месту службы в Баграм.

Виктор успокоился, рассказывает не торопясь. Вспоминает различные подробности, имена товарищей. Иногда замолкает, отворачивается в сторону и как бы смотрит в тот далекий 1985 год. Отвлекшись от своих тяжелых дум, он продолжает:

— В батальон меня привезли ночью. Офицеры, узнав, на чье место я приехал, сочувствуя и как бы извиняясь, стали рассказывать мне про Саяд и Панджшер, про заставу, на которой мне предстоит служить. И чем мрачней был их рассказ о том, что там я буду абсолютно один по 4—6 месяцев в году, что письма буду получать раз в два месяца, что продукты будут забрасывать вертолетами, что обстрелы случаются там каждый день и не по одному разу, тем больше я хотел туда попасть. Радуюсь в душе и благодаря судьбу за то, что она дает мне именно тот шанс, о котором я мечтал. Трудности были не в счет. Главным было то, что представлялась реальная возможность работать самому, без опеки сверху.

Помню, как впервые оказался на вверенной мне заставе. Построил личный состав: одни в кроссовках, дру-

гие в тапочках, бритые и обросшие, с опущенными ремнями и вовсе без них. Все это разношерстное «воинство» с вызовом смотрело на меня, как бы спрашивая: а кто ты, собственно говоря, такой?

Не успел произнести несколько слов, как из строя полетели реплики:

— Да что вы тут нам говорите?! Вы кто?! Вы училище когда закончили?! Что вы понимаете в войне?! Мы тут уже по полтора года! И будет так, как мы хотим, а не как вы!

Но я твердо решил: добыюсь перелома. Подолгу беседовал с замкомвзвода, командирами отделений, солдатами. Понемножку стал разбираться, кто есть кто. Решил: нужно брать личным примером. Бриться в любых условиях, мыться, подшивать свежий подворотничок, чистить обувь стало неукоснительным правилом. Ввел в систему занятия по боевой подготовке, всех научил пользоваться радиостанциями, работать по карте, определять координаты, корректировать огонь артиллерии. Занялись тщательным обслуживанием техники и оружия. Добился, чтобы каждый солдат умел использовать любой вид оружия, имеющегося на заставе. Ежедневно проводил после ночной смены физзарядку, утренний осмотр. Бегали кроссы по внутреннему периметру заставы по 7—8 кругов. Но, вероятно, главным было то, что в течение двух месяцев я вместе с ночной сменой нес дежурство. Ходил от поста к посту. Сам изучал обстановку. Привлекал к этой работе сержантов, советовался с ними. Отдыхал только строго по распорядку, в то время, которое отводилось для отдыха ночной смены караула. Распорядок дня старался выполнять по минутам. Очень сильно помогал мне замкомвзвода Алексей Русков. Он первым понял меня и поддерживал. А в длительных ночных и дневных беседах незаметно и учил меня. Через полтора-два месяца на заставе уже командовали сержанты. А после увольнения старослужащих, честное слово, на заставе все стало как

положено. Каждый делал свое дело, жили дружно и даже интересно.

Так прослужил я почти девять месяцев на этой первой своей заставе. Потом приехали вы. И дальше про Афганистан и мою службу знаете все сами.

Да, на должность командира роты представлял его я. Тогда, в октябре 1986 года, сомнений в выборе у меня не было. И к награждению орденом Красной Звезды представлял его тоже я. И на самые опасные участки при сопровождении колонн с грузами на заставы ставил его я. И когда при очередном сопровождении колонны осенью 1986 года БТР Полякова вышел из «зеленки» с двумя проломами в левом борту от снарядов безоткатных орудий, на одном работающем правом двигателе, который через несколько минут заклинило, но со всеми живыми и невредимыми — я воспринял это как должное, иначе у Полякова и не могло быть!

Виктор вернулся в комнату, разлил чай, закурил.

— Вообще-то, я давно не курю, но сейчас выкурю сигарету. После замены все было просто. Попросился на Дальний Восток. Просьбу мою удовлетворили. Получил назначение в один из гарнизонов ДВО. Однако к моему приезду в Хабаровск обещанной должности в данном гарнизоне для меня почему-то не оказалось. Здесь уже предложили другое место с перспективой через годик-другой перейти на вышестоящую должность. Я отказался. Долго меня «футболили» по разным инстанциям, пока не оказался я вот здесь — в Благовещенске. Принял пулеметную роту. Не рота, а одно горе горькое. Значилось 40 человек, да и тех в наличии никогда не было. С комбатом В. А. Банниковым у меня сразу же стали возникать трения. Я начал «гонять» солдат: заниматься физической, боевой и строевой подготовкой. А от меня требовали подметать территорию, красить бордюры, выполнять различные хозяйственные работы. И так каждый день. Но вместе с тем конспекты и отчеты требовали строго. Распре-

делением и расстановкой солдат на работы комбат занимался сам, так что я порой не знал, где мои солдаты и чем они занимаются. Постепенно меня стали превращать в старшину: портянки, белье, прием пищи — вот та область деятельности, которую отвел мне Банников. Командиров взводов я не видел. Нет, они были, вернее, числились, но в роте их не было. Ежемесячно один взвод должен нести боевое дежурство. Из всей роты не представлялось возможным собрать даже двух взводов. Все были на хозработках.

Но мне-то хотелось заняться своим настоящим, профессиональным делом. Конфликт с комбатом назревал. Когда он строил батальон на развод и приказывал увести всех солдат в сопки, чтобы их не увидела очередная ожидаемая комиссия, у меня руки тряслись от бешенства и бессилия. И я начал возмущаться. Обращался несколько раз к Банникову и вышестоящему начальнику Данько, ответ был один: «Не ваше дело. Что вы жалуетесь на свою судьбу?!» А после очередного обращения Банников мне «дружески» посоветовал: «Знаешь, был тут у нас один комбат из Афганистана. Так вот он опять ротным стал. Понял?»

Конечно, я все понял, что же тут не понять. В октябре у меня заболела старая рана. Положили в госпиталь, пролежал я там почти месяц. Перед тем как лечь в госпиталь, еще раз подошел к Данько с просьбой выделить хотя бы комнату в общежитии для семьи. Тот твердо пообещал, что, как только выйду из госпиталя, жильем обеспечит.

Накануне Ноябрьских праздников, выйдя из госпиталя, вновь подошел к Данько с просьбой решить жилищный вопрос. И имел неосторожность напомнить, что имею право на льготы, в ответ получил: «Кто тебя туда отправлял, тот пусть и дает квартиру!» Это было последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. В этот же день освобождалась квартира старшего лейтенанта Игоря

Таравкова, уезжающего по замене. И я самовольно ее занял. Наутро был вызван к начальнику политического отдела. На вопрос, почему самовольно занял квартиру, я ответил вопросом: «А почему вы, приехавший всего лишь два месяца назад, уже живете в квартире?»

— Моя квартира была забронирована, — нашелся начпо.

Я опять упомянул о льготах для «афганцев».

— Я еще не знаю, за что вам там давали награды.

Этого я вытерпеть не смог и запальчиво ответил: «Это не ваше дело. Не вы мне их давали и не вам судить, заслужил ли я их!»

На это начпо вроде невзначай заметил:

— Смотри, не пришлось бы их выложить.

Не помню, как вышел из кабинета, так было больно и горько.

Велика же обида, нанесенная этому мужественному человеку, если по прошествии столь долгого времени он не может без волнения об этом вспоминать. Виктор отворачивается, но я замечаю слезы, предательски выступившие на глазах. Я опускаю голову. Какими словами можно утешить его?

— Выйдя из кабинета начальника политического отдела, я написал рапорт на увольнение. Вскоре подошла законная очередь на квартиру. Пришел в КЭЧ, а там ответили: «Звонил зампотылу товарищ Гуменюк и сказал: квартиру вам не давать».

Все! Круг замкнулся!

Документы на увольнение где-то «ходили» целых шесть месяцев. Это только потом я узнал от друзей, что мой рапорт дальше командира части так и не ушел.

А за это время произошли еще некоторые события. Я узнал, что в роте два солдата курят «травку». Вскоре проходило партийное собрание, и я привел их на это собрание, где присутствовали все коммунисты, и спросил:

«Все говорят, что этих солдат нужно воспитывать. А как? Как мне с ними поступить? Посоветуйте!»

Конечно, никто ничего конкретного мне не сказал. Но поступок мой незамеченным не остался.

А дело с увольнением все тянулось и тянулось. Тогда я сам поехал в штаб объединения. Встречался с какими-то людьми, ходил по кабинетам. Сейчас уже не помню фамилию генерала, выслушавшего меня. Он мне сказал: «Мы предлагаем тебе должность начальника штаба танкового батальона. Не говори «нет». Я еще никому не давал большого срока, чтобы обдумать подобный вопрос. Тебе даю 15 дней. Иди и думай».

И хотя решение я принял твердое, но, раз дали возможность думать, думал. Я и сейчас говорю: «Да, армию я люблю. Да, это — мое, это то, что мне нужно. Но какая армия мне нужна? Та, где надо выкладываться, трудиться и получать удовлетворение от своего труда, где уважают твои знания и твой профессионализм». Сомневался я сильно. Но слишком глубоко запали в душу нанесенные обиды, чтобы сразу их забыть.

А тут еще один случай. Я дежурил по части. Ночью пошел проверить свою роту. На месте не оказалось одного из тех двоих, покуривавших «травку», солдат, которых я водил на партийное собрание. Стали искать. Нашли его под утро с мешком конопли. Долго разбирались, почему и как он оказался в увольнении без моего разрешения, кто отпустил. В конце концов комбат приказал посадить на гауптвахту этого «путешественника». Я завел его в кладовую и приказал выдать ему обмундирование. И тут он открыто стал издеваться надо мной:

— Вы офицеры? Да вы все козлы, вы все сволочи! Что вы мне сделаете? Посадите? Я плевать хотел на вас на всех!

Я сказал ему, чтобы он немедленно замолчал. Но он подбежал ко мне и стал размахивать руками прямо у меня перед лицом.

— Да что ты мне можешь сделать?

Не помню, как я его ударил. С переломом челюсти его отвели в санчасть. В санчасти он написал в объяснительной, что подрался ночью с неизвестными людьми.

На следующий день меня вызвали к начальнику политического отдела.

— Почему в вашей роте солдатам ломают челюсти?! Чем вы там занимаетесь?

Я ответил, что челюсть солдату сломал я.

Потом было офицерское собрание. И краткая резолюция: не наказывать! Собрали партийное собрание. Начпо предложил исключить из партии, но коммунисты проголосовали «против». Тогда начальник политического отдела во всеуслышание заявил: «Я все равно добьюсь его исключения!» Всею когда-нибудь бывает предел. Человеческому терпению тоже. После этих слов начпо я встал, подошел к столу президиума и положил свой партийный билет.

Виктор встал и молча заходил по комнате, сжав кулаки так, что пальцы побелели. Наконец он заговорил:

— Потом было еще одно партийное собрание, меня на него приглашали, но я уже не пошел. Через несколько дней вызвали на беседу в политотдел объединения. Меня спросили: «Скажи только одно слово — «да» или нет». Я сказал — нет!

Ровно через месяц, в феврале 1989 года, пришел приказ об увольнении. В нем было записано: уволить по статье № 61, «за дискредитацию высокого звания офицера Вооруженных Сил СССР». О пенсии в таких случаях речь даже не идет. Вот и вся моя одиссея.

Виктор надолго замолкает. Я тоже молчу. Потом спрашиваю:

— У тебя в этом городе много знакомых молодых офицеров, уволенных из армии?

— Несколько человек есть.

— И как они живут? Как устроились?

— Мало кто по-настоящему хорошо устроился. Похоже, на гражданке мы никому в общем-то не нужны. Эта изнурительная борьба за рабочее место, за прописку, за квартиру... Да и жизнь совсем другая. В армии огромные нагрузки, но там постоянно рядом люди, там коллектив, живущий одними проблемами и заботами. Там тяжело, но там — лучше! На гражданке к девяти на работу, в шесть с работы, суббота и воскресенье. Здесь коллектив только с девяти до шести, а потом... Потом ты один. Сам по себе.

Я поначалу чуть не сломался. Почти месяц пил. Не было прописки, шесть месяцев не давали паспорт, на работу устроиться не мог. Потом устроился в школу инструктором по вождению автомобиля. Боролся за прописку, квартиру, работу. Занялся штангой. Бросил курить и пить. Сейчас работаю инженером-электронщиком пусконаладочной станции. Как говорится, понемногу обустраиваюсь.

— Виктор, можно еще один вопрос? Не жалеешь?

— Честно сказать — душа сильно болит. Я бы и сейчас служил.

Я смотрел на этого молодого, здорового парня. И вспоминал его тогдашнего — командира роты. И было мне очень горько от мысли, что теперь он уже не мой подчиненный.

— А знаете, Михаил Михайлович, я ведь еще раз писал рапорт, чтобы снова поехать служить в Афганистан. Не удовлетворили. В связи с начавшимся выводом войск...

В этом несколько затянувшемся моем рассказе о трудных мытарствах Виктора Полякова, думается, в какой-то мере отражена судьба многих бывших офицеров «афганцев».

Я стоял в парке со своими ребятами, вспоминая прошлое, размышляя вслух о настоящем и будущем. На первом плане была проблема: как сделать так, чтобы сохранить коллектив, чем помочь своим раненым боевым

товарищам и семьям погибших? Я смотрел на них, а в голове моей бились вопросы: «Почему, по чьей воле создается негативное общественное мнение об этих ребятах? Чем мы — офицеры и рядовые — провинились перед своим народом, за что о нас выдумывают и рассказывают всякие небылицы? Почему достоянием гласности становятся только негативные, позорящие честь и достоинство военнослужащих случаи? А удивительный героизм и крепость духа воевавших в Афганистане не замечаются или даже умышленно замалчиваются?»

Может, нам всем нужно было бросить эту «несправедливую войну» и удрать на «ту сторону», как «герои» повести Артема Боровика «Спрятанная война»? Автор не дает своей оценки их поступкам. Он вроде и не одобряет их, но и не осуждает.

За время службы в Афганистане мне несколько раз приходилось сталкиваться с такими случаями. У меня в батальоне с конца 1984 года хранилось личное дело одного старшего лейтенанта, самовольно ушедшего в банду. Я часто внимательно рассматривал фотографию этого человека. Изучал его характеристики и другие документы, пытаюсь понять, что же послужило причиной его ухода. Я разговаривал с офицерами и солдатами, знавшими его лично. И вот что они о нем говорили.

Употреблял наркотики — «травку» курил систематически. Где брал деньги? Временами занимал у подчиненных на своей же заставе, временами где-то доставал муку и продавал ее. Порой продавал и бензин, кроме того, тратил на наркотики всю свою зарплату. Кстати, ушел он тогда, когда на смену ему уже приехал заменщик. А в ночь, накануне его ухода, в плен к мятежникам попал солдат с его заставы.

На мой взгляд, все добровольно ушедшие на «ту сторону» уходили не по политическим мотивам. Возможно, причиной были или боязнь наказания за совершенные поступки, или страх наркомана — после отъезда из Афга-

нистана остаться без такой необходимой теперь «травки». Или еще какие-то другие, но не политические мотивы. И еще. Не располагая никакими официальными документами, все-таки позволю себе усомниться по поводу «бескорыстного» перевода в США наших ребят, перешедших на сторону мятежников. Вероятно, за это нужно было заплатить. Только вот чем и как?!

Совершенно другое отношение у меня к тем ребятам, которые по стечению тех или иных обстоятельств оказались в плену. Зная изощренную жестокость моджахедов по отношению к нам, «неверным», можно предполагать, какие муки приходится испытывать этим ребятам. Поэтому считаю моральным долгом нашего народа, так долго покорно отдававшего на войну своих сыновей, любимыми способами освободить их.

Конечно, дать правдивую и честную оценку девятилетним событиям в Афганистане было нелегко. Но она дана. Теперь нужно дать оценку действиям людей, не принимавших решения на ввод войск, но выполнявших приказ, пусть и политически ошибочный, честно выполнивших свой воинский долг. Оценка должна быть дана нашим народом. А для этого ему необходимо знать всю правду не только о подлости, но и о героизме.

Я внимательно следил за всеми публикациями об афганских событиях в газетах и журналах, за репортажами по радио и телевидению, пытаюсь вспомнить что-то яркое и интересное. Но вспоминается только то, как они все начинались...

«Вот только что здесь закончился бой. Вы слышите, вдалеке еще гремят выстрелы? Наши ребята... и т. д. и т. п.»

«Вот вы видите еще не остывшие воронки от разрывов снарядов. Только что подверглись жесточайшему обстрелу... и т. д.»

А где же сам бой? Где же простой советский солдат и офицер в этом бою? И каковы условия жизни и службы

людей, находящихся вдалеке от дороги Хайратон — Кабул? Где же книги, написанные вот об этих, пришедших 9 мая в парк имени Горького, ребятах с боевыми наградами на лацканах гражданских костюмов? И кто их напишет?

...Прошло полтора года, как уволился сержант Андрей Шатуло. Он служил в десантной части Героя Советского Союза В. Востротина, дислоцирующейся у нас в Баграме. Награжден медалью «За отвагу». Мы с ним о многом говорили. Он вспоминал о том, как учился в школе, а после трудился на стройке и как, глядя на его работу, строители говорили: «Тяжко тебе, Андрей, в армии придется, уж очень ты добросовестный». О том, как плакала и переживала мать, боясь, что он попадет в Афганистан.

Вот уж верно, что материнское сердце — вещун! И как по прибытии туда попал во взвод связи и его не взяли на «боевые», хотя физически он был не слабее «стариков». Но так было принято: молодых солдат первое время на «боевые» не брали. Рассказывал он и о своем огненном крещении: на первые свои «боевые» он пошел вторым номером связиста, обязанностью которого было носить запасное питание к радиостанции и в минуты относительного затишья дежурить возле нее. Он тогда так толком и не понял, куда ехали, откуда стреляли, куда палила артиллерия и наносила бомбовый удар авиация. Но хорошо запомнил, что чувство страха не испытал.

А потом Андрей вспомнил, как за полтора-два месяца до увольнения они сопровождали колонну. И он, уже сержант, был старшим группы связистов. Колонну тогда остановил сильный пулеметно-гранатометный огонь. Завязался бой. Андрей пытался вылезти из БТР, но не смог. Путь ему преградил его же подчиненный. Навалившись на Андрея своим телом, он кричал: «Шатул, тебе домой скоро! Мы сами справимся!» Так и не выпустил его из машины, пока не прекратился первый — самый сильный — шквал огня. Рассказывая этот эпизод, Андрей

Шатуло улыбался улыбкой человека, вспомнившего свой самый счастливый день в жизни.

А я, слушая его, вспоминал своего связиста Игоря Гыка. 12 мая 1987 года мой БТР пробирался через «блок» под непрекращающимся огнем мятежников. Я спел на броне. В мою каску по инициативе и силами того же Игоря были вставлены наушники от шлемофона. Это было очень удобно. Вокруг стоял сильный грохот от разрывов снарядов, слышались треск автоматных и пулеметных очередей, надрывной рев двигателей машин. Постоянные разговоры по радиостанции и необходимость лично наблюдать за происходящим вокруг отбирали все силы и внимание. Внизу в БТР находился Игорь Гык с переносной радиостанцией.

Вдруг меня кто-то резко и сильно потянул за ноги. Я, ободрав лицо об открытый люк, упал вниз. Возмущенный таким неаккуратным обращением с собой, я с ходу обрушил на Игоря свой гнев. А он молча смотрел на меня и показывал на открытый люк. Вместо зеркала заднего обзора, приделанного водителем, торчал, пробитый в нескольких местах, кусок железа. А на крышке люка четко просматривались вмятины от пуль, удары которых по броне и услышал Игорь Гык.

Недавно я встретился с бывшим начальником штаба батальона, где служил Андрей Шатуло, и попросил его подробнее рассказать об этом солдате. Жигульский Геннадий Петрович живо откликнулся на мою просьбу: «Да, я хорошо помню этого крепкого симпатичного парня из звзда связи».

— За что он получил награду?

— Знаете, — сказал Жигульский, — связиста, который ходит в одной связке то с командиром роты, то с комбатом, можно награждать после каждого боевого действия. Но был у Андрея особый случай.

В конце июля 1988 года батальон срочно перебросили под Кабул, в район местечка Хур-Кабуль, где мятежни-

ки сбили несколько застав афганской армии и планировали массовый обстрел Кабула реактивными снарядами. Мятежникам удалось занять две высоты у кишлака Чакарай, откуда они и сделали несколько пусков снарядов. Батальону было приказано отбить эти высоты и обеспечить работу саперов по минированию двух ущельев, ведущих к высотам.

Роты старшего лейтенанта Вадима Кузнецова и капитана Сергея Коржикова заняли сопки, а оставшимися силами обеспечивали работу саперов. На командном пункте батальона остались разведзвод, связисты да несколько солдат из хозяйственного взвода.

Примерно с 10 часов утра противник стал активно обстреливать наши подразделения, а на роту Кузнецова пошел в наступление. Рота отбивала одну за другой атаки одетых в зеленую пятнистую форму, бронезилеты и каски мятежников. К 14 часам стали заканчиваться боеприпасы и вода. Майор Жигульский, собрав разведзвод, отправил его с водой и боеприпасами в роту на усиление. Через два часа рота опять запросила боеприпасы. Высоту необходимо было удержать любым способом. Жигульский собрал всех оставшихся на КП связистов, поваров. Получилась небольшая группа на двух БМП. Загрузили их боеприпасами и водой, старшим группы был назначен сержант Шатуло.

Группа начала движение к горе. Чтобы исключить потерп при движении, Жигульский приказал подойти как можно ближе к ее восточному склону. Группа уже почти достигла цели. В это время мятежники вновь стали атаковать, а для того, чтобы наступление удалось, часть их обошла гору с целью одновременной атаки с фланга. Вот с этой группой противника неожиданно и столкнулась группа Шатуло. Мгновенно завязался бой. Наводчик — оператор БМП ефрейтор Берсенов, сам Андрей и их товарищи с ходу атаковали мятежников, те оказали ожесточенное сопротивление. Быстро оценив обстановку, Шату-

ло доложил комбату и попросил помочь минометным огнем. Оставляя на камнях убитых с оружием, противник отступил. Группа Андрея Шатуло захватила двух пленных.

Ни в этот, ни на следующий день высоту мятежники взять не смогли. Саперы свою задачу выполнили.

Может быть, этот и другие поступки Игоря Гыка, Андрея Шатуло и других ребят и не являются подвигами. Но те несколько мгновений, необходимых Игорю Гыку, чтобы принять единственно верное решение и втащить меня в люк БТР, дали мне сегодня возможность жить и писать эти заметки.

Другой мой знакомый, уволенный по состоянию здоровья, капитан медицинской службы, рассказывал, как он ходил со своей группой в засаду в пустыню, чтобы обезвредить караван, везущий боеприпасы, медикаменты и продовольствие мятежникам. Как в вырытых в песке порах, закрытых маскировочными сетями, приходилось сидеть, изнывая от жары, по три-четыре, а то и более дней, не имея возможности лишний раз пошевелиться. Все с напряжением ожидали караван, и тогда уж не минуты, тогда были дороги секунды, потому что деваться некуда: или мы их, или они нас. Может, и это не тот подвиг, чтобы о нем все знали?

А может, и правда, что в наше время нескончаемых личных, человеческих и общественных проблем тысячи погибших, тысячи раненых и искалеченных, десятки тысяч, прошедших Афганистан, не заслуживают внимания журналистов, писателей и художников? Да и трудно это — рассказать о двух годах жизни одного человека или небольшого коллектива правдиво, не обходя стороной хорошее и не показывая только плохое.

Что нам — живым и здоровым, воевавшим в Афганистане, — нужно от нашего общества? Талоны на внеочередное приобретение несуществующих товаров? Бесплатный проезд в городском транспорте? Отдельные са-

натории или пансионаты? Отнюдь. Самое большое наше желание — чтобы говорили не только о нашей надломленной психике и исковерканной войной судьбе, но и о дружбе, товариществе, мужестве и подвигах, совершенных нашими ребятами в Афганистане. Чтобы на всех могилах погибших там были памятники, а у памятников лежали цветы. Чтобы не стояли молодые инвалиды афганской войны в униженной очереди за протезами. Чтобы не остались родители и семьи погибших один на один со своими проблемами. Чтобы...

Чтобы все мы были людьми!

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Вместо предисловия	3
Почему? Зачем?	6
Сторожевая застава	16
Между жизнью и смертью	22
Мины бывали разные	45
Боевое братство	50
Война есть война	57
Лейтенанты: моя радость и боль	78
В поисках примирения	92
Последние испытания	100
Забвению не подлежит!	109

Пашкевич Михаил Михайлович
АФГАНИСТАН: ГЛАЗАМИ КОМБАТА

Художник *Ю. И. Артюхов*
Художественный редактор *А. Н. Жданов*
Технический редактор *М. В. Федорова*
Корректор *О. Н. Столярова*

ИБ № 4288

Сдано в набор 31.10.90. Подписано в печать 11.01.91.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарн. Обыкн. новая.
Лечать высокая. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,6+1 вкл. 1/4 печ. л.,
0,35 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 6,47. Уч.-изд. л. 5,84.
Изд. № 1/6402. Тираж 14 000 экз. Зак. 181. Цена 1 р. 60 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

1 р. 60 к.

